

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Странное
происшествие
в сезон дождей

Виктория Евгеньевна Платова

Странное происшествие в сезон дождей

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42339381

Странное происшествие в сезон дождей: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-100091-2

Аннотация

В этом доме всё странно, как и сама влажная, паркая Камбоджа, в которой он находится.

Он забит странными африканскими артефактами. Хозяйка дома Даша тоже странная. Никто не знает, откуда она берет средства на безбедное существование. Вот ее муж Шон, который напивается так, что его невозможно разбудить. Вот подруга Анн-Софи, которая знает о хозяйке такое, что заставляет ее умирать от зависти. Вот журналист Ян, которому лучше держать язык за зубами. А вот случайная гостя в этом доме – русская Дарлинг с тяжелой бронзовой статуэткой бенинского леопарда. И этой статуэткой кто-то сильный и жестокий нанес хозяйке смертельный удар в висок.

Полиция. Допросы. Затуманенные взгляды подозреваемых. Всё очень, очень странно в этом доме...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	183

**Виктория
Евгеньевна Платова
Странное происшествие
в сезон дождей**

© Платова В. Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

КВАРТЕТ

– ...Для начала нам придется соблюсти некоторые формальности, Тео. Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с покойной?

– Это... это было много лет назад... Теперь и не вспомнить сколько.

– Место тоже вылетело из головы?

– Бенин. Это был Бенин. Или Сенегал? Одно из двух. Но это точно была Африка.

– Я уже понял. Куда бы мы ни двинулись в этом деле, мы обязательно упремся в Африку, коленями или носом. Вы-то что там забыли, в Африке?

– В ту пору у меня был творческий кризис. Я искал вдохновения, много путешествовал... И Африка показалась мне идеальным местом для отправной точки романа. Но там я заболел желтой лихорадкой и погиб бы, если бы не она.

– Покойная?

– Когда вы говорите так, мне становится плохо. Голова идет кругом...

– «Убитая» будет звучать лучше? «Убиенная»? «Жерт-

ва преступления»? Может быть, «труп»?

– Прекратите!..

– *Я всего лишь хочу, чтобы вы не забывали: это не светская беседа. Любое слово может обернуться против вас. Так что будьте осторожны и постарайтесь не врать мне.*

– Я понимаю, да... Все же это был Бенин. Маленькая страна, чрезвычайно милая и добросердечная. У меня остались о ней самые приятные воспоминания.

– *Несмотря на лихорадку?*

– Вы не поверите, но я до сих пор благословляю болезнь, от которой чуть не умер. Когда я лежал в бреду, мне открылись многие вещи, суть вещей. Это пригодились мне впоследствии для написания романа...

– *Которым все здесь зачитываются?*

– Да? Я не знал этого, но польщен. Кстати, у меня есть еще несколько авторских экземпляров... Они наверху, в чемодане. И мне было бы приятно подарить один из них вам...

– Э-э... *Что ж, буду признателен, хотя я не особый любитель чтения. Но вернемся к покойной. Вы сказали – она выходила вас. Она что, была врачом? Сестрой милосердия?*

– Нет, конечно. Она просто проявила участие, взяла меня к себе в дом.

– *Подобрала на улице, что ли?*

– Практически. Недуг сразил меня во время поездки по саванне, в сезон дождей. Сопровождавший меня местный пройдоха испарился сразу же, причем с моим рюкзаком. Мне

еще удалось добраться до какой-то богом забытой деревни... Все остальное я помню плохо, сплошной черный провал. Очнулся я только в ее доме, в отдельной комнате с кондиционером. Чистая постель, тишина – я был спасен. И спасен ангелом. Потому что, когда она появилась, когда вошла в комнату, я так и подумал – вот он, мой ангел, с короткими волосами... И это самое прекрасное воспоминание в моей жизни.

– *Роман, конечно, закрутился сразу же? Учитывая не совсем обычные обстоятельства встречи.*

– Учитывая не совсем обычные обстоятельства встречи, я назвал бы это любовью с первого взгляда. Мы провели вместе несколько месяцев – и это были лучшие месяцы, да.

– *И чем же вы занимались все эти месяцы? Кроме того, чем обычно занимаются мужчина и женщина?*

– Мы много разговаривали, совершили несколько поездок по континенту. Ей хотелось показать мне настоящую Африку, Африка всегда была ее любовью.

– *А в процессе этих ваших разговоров вы выяснили, каким ветром ее туда занесло? Чем она там занималась, кроме спасения белых мужчин от желтой лихорадки?*

– Для меня это не было столь существенно...

– *Что, даже никаких предположений не строили?*

– Ну... в средствах она стеснена не была. Полагаю, их происхождение связано с ее исторической родиной, с Россией. Но подробностей она избегала, а я не настаивал. Возможно, если бы наши отношения продлились чуть дольше...

– Кто был инициатором разрыва?

– Легко догадаться... И нужно знать ее... Никто бы добровольно не оставил такую женщину.

– Не стесненную в средствах?

– О господи, разве в этом дело? Просто все закончилось так же внезапно, как и началось. Однажды она просто исчезла. Во время очередной нашей поездки, я уже не помню куда именно... Какое-то время я еще пытался искать ее, но безрезультатно...

– А ее дом? Ваша комната с кондиционером и чистым бельем тоже испарились?

– Конечно, я первым делом бросился туда, но дом уже сдавался в аренду. Мне пришлось вернуться в Европу...

– И больше вы не посещали Африку?

– Нет.

– Затаили злость на вашу бывшую возлюбленную?

– Нет-нет, что вы! Я был опечален, страшно расстроен, но никакой злости не было... После Африки я наконец-то начал писать. А потом встретил Магду, и она стала моей женой.

– Вы никогда не рассказывали своей жене о покойной?

– Видите ли... мы с Магдой встретились в тот момент, когда мне было особенно тяжело. Депрессия и все такое...

– Это было связано с вашим африканским любовным приключением?

– Лишь отчасти. Скорее эти проблемы лежали в плоскости творчества. В плоскости признания общественной зна-

чимости творчества...

– *Жаждали прославиться?*

– Хотел быть услышанным, так будет точнее. Поначалу ни одно издательство не принимало мой роман, рукопись постоянно возвращалась... Я снова дорабатывал ее – и снова она возвращалась. Было от чего прийти в отчаяние. Я начал пить и всерьез задумывался о самоубийстве. Ситуация стала критической, и тогда один из приятелей посоветовал мне хорошего психолога. Психоаналитика. Им и оказалась Магда. Конечно, будучи пациентом, я рассказал ей об Африке.

– *И как она отреагировала?*

– Вполне профессионально. Она помогла мне выбраться из эмоционального тупика, за что я был очень ей признателен.

– *Настолько, что решили жениться?*

– Все было совсем не так примитивно, как вам кажется. Сначала мы просто общались как врач и пациент, а потом, когда курс был закончен, я пригласил ее в ресторан. И она согласилась, хотя психоаналитики обычно избегают таких вещей. Профессиональная этика...

– *Стало быть, профессиональной этики она не придерживалась?*

– Нет-нет, просто уже тогда она относилась ко мне по-дружески, а потом стала больше чем другом. Она даже оставила профессию, чтобы быть рядом со мной и поддерживать меня. Вместе мы добились многого, и я очень ценю свою жену.

И благодарен ей.

– *Картинка просто идиллическая. Насколько я понял, с прошлой любовью было покончено?*

– В известном смысле – да.

– *То есть не совсем «да»? «Да» с некоторыми оговорками?*

– Магде я благодарен за свою нынешнюю жизнь. Которая была довольно ясной и упорядоченной... до сегодняшнего утра.

– *Зачем же вы приехали сюда, если ваша жизнь таким замечательным образом вошла в колею? Да еще притащили за собой жену.*

– Это было спонтанное решение. Теперь я понимаю, что ошибочное. Но когда пришло письмо... мне захотелось снова увидеть ангела...

– *Что это было за письмо?*

– Его и письмом-то не назовешь. Маленькое сообщение, оставленное на моем официальном сайте.

– *Вы сразу поняли, что это письмо от покойной?*

– Конечно. В период близости, даже если эта близость была недолгой... у двух любящих людей возникает свой собственный языковой код...

– *Нельзя ли несколько упростить формулировки?*

– Хорошо... Тогда, в Африке, у меня было имя, придуманное ею. И в том сообщении оно всплыло снова. С припиской «иногда я скучаю по тебе».

– *Этого оказалось достаточно, чтобы сломя голову по-*

несть на другой конец света?

– Этого оказалось достаточно, чтобы написать ответное письмо.

– Покойная ответила вам?

– Да... Мы вступили в переписку, из которой я узнал, что она больше не живет в Африке, а осела здесь.

– Она сообщила вам, что у нее теперь есть семья?

– Вскользь. Написала только, что вышла замуж, вот и все.

– А вы сообщили ей, что женаты?

– Не сразу...

– Почему?

– Это сложно объяснить...

– Что, снова захотели замутить с ней роман, как тогда, в Африке?

– Я был рад, что она нашлась.

– И даже не поинтересовались, почему она исчезла?

– Если бы я вздумал интересоваться, она бы решила, что я до сих пор страдаю. Что чувство еще не изжито. А так мы начали общаться как старые друзья, объединенные чуть сентиментальными воспоминаниями. И сюда я приехал в качестве друга.

– Она пригласила вас?

– Она написала, что ей было бы приятно мое присутствие на маленьком семейном торжестве.

– И вы согласились приехать?

– Да. Мне захотелось снова увидеть ангела.

– *И ваша жена не была против ангельского свидания?*

– Вот черт, конечно же, была. В свое время она наслышалась о моей африканской истории достаточно, чтобы возненавидеть ее виновницу.

– *Возненавидеть?*

– Э-э... Я неправильно выразился. Речь не о ненависти – скорее о боли. Хотя после того, как я перестал быть ее клиентом, а она сложила с себя полномочия моего психоаналитика, мы не вспоминали об Африке. Как будто ее и вовсе не существовало. Естественно, Магда расстроилась, когда я сообщил ей о предстоящей поездке...

– *Так ли уж необходимо было ей об этом сообщать? Тем более что речь шла уже не об Африке, а о вашем визите сюда.*

– Вы не понимаете... Мы с Магдой не расставались ни на один день с тех пор, как поженились. Так что мой внезапный отъезд выглядел бы труднообъяснимым.

– *Разве сложно придумать вескую причину для отъезда?*

Вы же писатель!

– Магда слишком проницательна, да я и не мог врать ей.

– *Проще было сделать ей больно?*

– Сделать ей больно? У меня и в мыслях подобного не возникало.

– *И все же вы решились на эту поездку?*

– Мне захотелось снова увидеть ангела.

– *Ваша жена тоже была не прочь на него посмотреть?*

– Я ехал сюда как друг. И вовсе не собирался, как вы выразились, мутить роман. И взял с собою Магду только затем, чтобы она убедилась в чистоте и невинности моих намерений. И не строила ненужных догадок, и не мучилась неоправданной ревностью.

– *Имелся и другой способ продемонстрировать жене чистоту и невинность: отказаться от поездки вовсе. Оставить прошлое прошлому. Странно, что вы о нем не подумали.*

– Я ведь сказал вам, что сожалею. Этот визит был ошибкой.

– *Но теперь уже ничего не изменишь. Ваша жена очень ревнива? И как далеко она способна зайти в своей ревности?*

– На что это вы намекаете?

– *Просто спрашиваю. Мы с вами всего лишь воссоздаем картину происшедшего, не стоит так нервничать.*

– Посмотрел бы я на вас, окажись вы на моем месте... Что же касается ревности... Я слишком уважаю свою жену, чтобы давать ей повод усомниться в моей порядочности.

– *Разве? Очевидцы утверждают обратное. Вы все время вертелись возле покойной, наплевав на жену. И в какой-то момент она не выдержала, бедняжка. Публично заявила, что желает смерти своей сопернице.*

– Чушь. Магда – человек тонкой душевной организации. Деликатнейшее существо, которое скорее направит гнев и раздражение на себя саму, чем на кого-либо еще.

– У вас что – две жены?

– Не понял?

– Приехавшую с вами женщину никак не назовешь деликатной. Вы постоянно ссорились, и эти ссоры слышал весь дом. Она... не дура выпить?

– После того, что Магда пережила со мной... она ненавидит алкоголь.

– И тем не менее в последние пару дней ее никто не видел трезвой. За исключением тех моментов, когда она пребывала в душевном расстройстве. Скажите, она никогда не страдала галлюцинациями и помрачением сознания?

– Никогда.

– А на почве неумеренного потребления алкоголя?

– Повторяю вам еще раз: Магда не пьет.

– Не стоит врать мне в мелочах, выгораживая жену. Иначе я подумаю, что вы врете и по более существенным поводам.

– Например?

– Например, относительно характера ваших отношений с покойной. Вы приехали сюда, чтобы попытаться все вернуть?

– Нет! Я приехал как друг!

– Несколько раз вы уединялись с ней, и это очень не нравилось вашей жене. Не поэтому ли Магда стала прикладываться к бутылке?

– Беседы тет-а-тет вел не только я. О любом из гостей

можно сказать то же самое. Даже об этой русской соплячке, уж не знаю, откуда она взялась...

– А с кем-нибудь из присутствующих здесь вы не были знакомы раньше?

– Нет.

– *Никогда не пересекались? Не слышали имен?*

– Нет.

– *А ведь эти люди составляли определенную часть жизни покойной. Так же, как и вы.*

– Больше, чем уже сказал, я вам не скажу.

– *Какое впечатление они на вас произвели?*

– Это касается и членов семьи?

– Да.

– Ее нынешний муж – жалкое ничтожество. Тряпка и истерик. Непонятно вообще, почему она выбрала его...

– *А не вас? Это вас задевало? Это выводило из себя?*

– О чем вы?

– *Или это вселило в вас мысль, что на фоне тряпки и истерика вы будете выглядеть намного выигрышнее? Потрясали, поди, своим свежеезданным романом?*

– Глупости...

– *Хотите, я скажу, как все было? Вы решили возобновить отношения, а когда вам отказали, впали в ярость и...*

– И?

– *Все закончилось именно так, как закончилось. Убийством вашей бывшей возлюбленной. Того самого ангела, на*

которого вы хотели взглянуть.

– О боже... Нет! Я любил ее. Я никогда не переставал ее любить... Не было дня, чтобы я не вспоминал о ней.

– *А она и думать о вас забыла. Как о любовнике, разумеется. Вы устраивали ее в качестве друга, но это совсем не устраивало вас. Совсем.*

– Оставьте свои фантазии при себе! И если уж на то пошло... я терпеть не могу детей. Даже если они тихонько сидят в уголке. Даже если заперты в кладовке за съеденное варенье. Даже если спят в своей комнате десятью этажами выше... Тогда, в Африке, мы были на десять лет моложе. И мы были свободны. А теперь оказалось, что у нее есть дети. Один из них – чернокожий с такими дикими глазами, что лучше в них не смотреть. А вторая – настоящее исчадие ада, маленькая злобная тварь. Она доводила Магду до иступления своими шалостями, которые никак не назовешь детскими.

– *Что же вы не уехали сразу? Предпочли остаться в этом детском аду?*

– Мы и собирались уехать. После поездки в храмовый комплекс... Да, я не буду отрицать, мне было приятно вновь погрузиться в воспоминания. Мне было приятно вновь увидеть своего ангела, она почти не изменилась за прошедшие десять лет. И да, я позволил себе легкий флирт, достаточно невинный.

– *Достаточно невинный для убийства?*

– Я скажу вам как мужчина мужчине... Если я на что-то и рассчитывал, то всего лишь на еще одно маленькое приключение. Возможно, на поцелуй, сорванный украдкой. В качестве легкой компенсации за причиненные когда-то страдания.

– *Сорвали?*

– Нет. Оказалось, что мне вовсе не нужен новый виток отношений. И что я слишком стар для адюльтера. И уж тем более для серьезных отношений с женщиной с двумя детьми... Подумайте сами, зачем мне было ее убивать?

– *Ну хорошо... Допустим. В частных беседах с вами она не выражала никакого беспокойства? Возможно, ее что-то тревожило?*

– Нет. Она выглядела умиротворенной.

– *Она делилась своими планами на будущее?*

– Нет.

– *Что она рассказывала о своей жизни здесь?*

– Она говорила лишь о том, что скучает по Африке.

– *И вы не заинтересовались, что заставило ее уехать отсюда?*

– Если бы она захотела, сказала бы мне сама. Но она не захотела, а я не стал настаивать.

– *Что вы можете рассказать об инциденте во время фейерверка?*

– Это была некрасивая сцена. Этот идиот, ее муж, напился и попытался устроить скандал. Кажется, даже ударил ее. Но

все быстро закончилось.

– *А потом?*

– Потом мы играли в игры... Интеллектуальные шарады и прочую чепуху для домашнего пользования. Но было очень мило.

– *Ваша жена не принимала участия в этой вечеринке?*

– Нет. У нее случился... м-м... небольшой нервный срыв. Еще до фейерверка и игр в саду. Ничего серьезного, но некоторое время мне пришлось провести с ней. Я успокоил ее, как мог...

– *А потом отправились веселиться в сад?*

– Только тогда, когда она немного пришла в себя и заснула.

– *Кроме вашей жены, еще кто-то отсутствовал?*

– Русская. Честно говоря, я думал, что она убралась отсюда вместе со своим спутником.

– *Вы видели, как он покинул дом?*

– Тот странный русский? Нет. Мне лишь сказали, что он ушел. Неприятный тип.

– *А покойная не объяснила вам, кто он такой?*

– Она лишь представила нас друг другу. Имени его я не запомнил, но, слава богу, это и не понадобилось в дальнейшем.

– *В вашей ситуации все совсем не слава богу... Вам знаком этот предмет?*

– Не знаю... Не думаю. Он похож на множество вещей, ко-

торые есть в доме. Вы ведь осматривали дом и могли в этом убедиться. Но я в них не вглядывался, во все эти вещи. В них есть что-то пугающее. Что-то неправильное. И они не должны находиться рядом с людьми... Живыми людьми. Иначе может случиться какая-то беда...

– Она уже случилась.

– Да-да, конечно. Она уже случилась, я просто не могу до сих пор в это поверить...

– Сдается мне, что вы поверили в это раньше, чем она произошла. Вам знакомо имя Мик?

– Нет.

– Покойная не упоминала о нем?

– Никогда. У нее не было привычки разбрасываться именами.

– Скажите-ка мне... Если бы покойная была ангелом...

– Она и есть ангел...

– Если бы покойная была ангелом, каким бы ангелом она была? Отвечайте не задумываясь.

– Падшим...

* * *

...Поцеловать саксофон – все равно что поцеловать девушку. Даже проще, во всяком случае – безопаснее. А все потому, что инструмент не оттолкнет тебя, как оттолкнула бы девушка, если бы ты по какой-то причине ей не понравил-

ся. Или не понравился без всяких причин. О да!.. В случае с саксофоном совершенно исключены такие малопривлекательные вещи, как:

пощечина;

ироническая улыбка (или саркастическая улыбка, или улыбка сожаления, что ты не Орландо Блум, не Брэд Питт, не Джонни Депп);

grimаса, исполненная брезгливости;

обидно-скользкое, слегка подрагивающее плавниками словцо. Архипелаг слов, коралловый риф слов. Расшибить лоб об эту твердую субстанцию не очень-то приятно.

Что еще? Пожалуй, что ничего.

Девушки не особенно изобретательны в выражении чувств, они вообще не особенно изобретательны. Не то что саксофоны! Хороший саксофон в хороших руках может творить самые настоящие чудеса. Тут и возникает главная проблема.

Неразрешимая.

Руки Кристиана не слишком хороши.

Ничего криминального в них нет, все пальцы на месте, ногти растут в правильном направлении и с полагающейся им скоростью. Волосков на руках ровно столько, сколько и должно быть у среднестатистического молодого человека, не больше и не меньше. Имеется живописный короткий шрам неясной этимологии – между большим и указательным пальцем (на правой). Имеется родинка, похожая на запятую или

кошачий хвост (на левой). И шрам, и родинка довольно милы, по утверждению двоюродной сестры Кристиана, чье мнение ровным счетом ничего не значит. Руки Кристиана можно назвать красивыми, и все же они не слишком хороши. То есть они были бы хороши для девушек (из тех, кто не заморачивается отсутствием сходства с Джонни Деппом); они были бы хороши для животных, которые любят ласку, – собак и даже кошек с хвостами в форме миляги-родинки. Возможно, для младенцев и fashion-фотографов.

Но только не для саксофона.

Между саксофоном и руками Кристиана не существует взаимопонимания. Это убивает. Ежедневно, ежечасно, ежесекундно. Тем не менее Кристиан все еще жив. И все еще мечтает стать саксофонистом, хотя иначе чем бесплодной эту мечту не назовешь. А есть и другие мечты, клинически глупые, но тоже связанные с саксофоном. Например, в один прекрасный день заснуть и проснуться с другими руками. Черными афроамериканскими руками, способными сотворить чудо с одним отдельно взятым инструментом. В комплекте с черными руками идут губы и легкие, перед которыми не устоит ни один сакс. И синкопированное, склонное к головокружительным импровизациям сердце. Кристиан точно знает: ничего из этого набора ему не заполучить – никогда, ни при каких условиях, разве что придется заложить душу дьяволу. Кристиан согласился бы и на это, но сукин сын дьявол до сих пор обходил его стороной. Из чего следу-

ет немедленный клинически глупый вывод. Даже несколько, возведенных в третью или пятую степень идиотизма, выводов:

дьявол не ездит в автобусах, в которых обычно ездит Кристиан;

дьявол не вьет гнезд на ветке метро, по которой обычно перемещается Кристиан;

дьявол не пьет кофе в кофейнях, в которых обычно пьет кофе Кристиан;

дьявол не посещает кинотеатры, которые обычно посещает Кристиан.

Еще можно было бы упомянуть тренажерные залы, но Кристиан не занимается спортом, и единственный знакомый ему тренажер стоит в комнате его двоюродной сестры. Сестра использует тренажер в качестве вешалки, и потому его поджарое тело вечно скрыто юбками, блузками, колготками со стразами и лифчиками телесного цвета.

Кристиан, разживись он костлявым, хорошо продуманным механизмом для сжигания калорий, поступил бы точно так же.

Неизвестно, как бы поступил дьявол; его логика остается за гранью понимания Кристиана, как логика любого первоклассного, нет... *выдающегося*, гениального джазмена, если у джазменов вообще имеется в наличии логика.

Все гении алогичны, джазмены не исключение.

А дьявол и есть джазмен. Трубоч, как Майлз Дэвис. Или

пианист, как Chucho Вальдес. Или саксофонист, и тут можно вспомнить сразу трех Кристиановых любимцев: Чарли Паркера, Сонни Роллингса и Гато Барбиери, и сам волшебный инструмент, договориться с которым Кристиану не удастся, несмотря на все старания... Да.

Дьявол – саксофонист, в этом нет никаких сомнений.

Фронтмен умопомрачительного квартета из падших ангелов, каждому из которых уготована своя сольная партия, и справляются они с ней блестяще – не то что бескрылый, лишенный импровизационного дара Кристиан. И квартет никогда не станет квинтетом —

никому и в голову не придет пригласить Кристиана.

В команде лихих джазменов всегда будет на одного человека меньше, чем ему бы страстно хотелось. И этот никому не нужный человек – сам Кристиан. *Минус-Кристиан* — именно так он и привык думать о себе. В те редкие минуты, когда не мечтает о судьбоносной встрече с дьяволом-саксофонистом, об афроамериканских руках, легких и сердце и, конечно же, о саксофоне – самой упрямой, самой надменной, самой несговорчивой вещи на свете.

И самой желанной.

– Ты просто извращенец какой-то, – страдальчески морщась, говорит ему двоюродная сестра, чье мнение равным счетом ничего не значит. – Психопат. Займи себя хоть чем-нибудь. Начни встречаться с девушками.

– Сразу с несколькими или можно ограничиться одной? –

Кристиану не слишком-то нравится, когда его называют психопатом и тем более извращенцем, но...

Сестра – единственный человек, способный целую минуту продержаться в пыточной, где Кристиан терзает свой саксофон, третий по счету (два предыдущих как не оправдавшие ожидания были тайно захоронены на задворках городского кладбища домашних животных).

– Одна в твоём случае не поможет. Или это должна быть такая девушка...

– Какая?

– Та-акая... Нет... Та-а-а-акая...

– Какая-какая? – дурашливо вопрошает Кристиан. И тут же сам начинает строить предположения: – Она должна быть потрясающе красива? Или обладать чем-то таким, чем не обладают другие девушки? Хвостом, например. Вот!.. Она должна быть... русалкой? Работать в дельфинарии?

– Русалки не работают в дельфинариях. – Двоюродная сестра Кристиана, в отличие от самого Кристиана, трезво смотрит на жизнь. – И я вообще не уверена, что они существуют.

– Вот видишь! Ты предлагаешь мне начать встречаться с той, кого не существует.

– Не думаю, что это будет для тебя проблемой.

– Почему же?

– Потому что ты всегда пытаешься заполучить то, чего не существует.

– Не существует в принципе?

– Не существует лично для тебя. Не предусмотрено. Не отпущено. Вот так.

Ясно как божий день, о чем идет речь: о таланте. О даре, которого Кристиан лишен напрочь, – играть на саксофоне. Если сложить минуты, проведенные сестрой в пыточной (она же гостиная в квартирке Кристиана), получится что-то около получаса. Вполне достаточно, чтобы понять: Кристиан бесталанен – бесталанен безнадежно, беспросветно; поднапрягшись, можно было бы извлечь еще с пару десятков слов из того же синонимического ряда. Но эти самые точные.

А Кристиан любит точность.

Его математические способности всегда поражали учителей, и он продвинулся бы чрезвычайно далеко, если бы сосредоточился именно на них. Положительно, Кристиан бы блистал на небосклоне фундаментальной науки, соответствующее его способностям место сейчас занимает Марс. Как вариант – Сириус, самая яркая звезда. Сириус и Марс не слепят глаза, но об их существовании знают все, кто дает себе труд пялиться на звездное небо.

А пялятся на него почти все, время от времени, рано или поздно.

Кристиан не такой, он «не почти все», запрокидывать голову не в его правилах, да и встреча с собой-Марсом или с собой-Сириусом выглядела бы не слишком впечатляюще. Другое дело – встреча с собой-афроамериканцем. Гениаль-

ным джазменом, из-за спины которого добродушно щурится саксофон. Нет, не так: саксофон улыбается радостной, начищенной до блеска улыбкой. Еще бы ему не радоваться: ведь он оказался в руках гения. И все чрезвычайно довольны друг другом: саксофон – Кристианом, Кристиан – саксофоном, и публика – ими обоими.

Публика вообще пребывает в диком восторге, не трансформируясь при этом в стадо оголтелых тупых овец, как это частенько случается на концертах рок- и поп-исполнителей. Да и «дикий восторг» не совсем точное определение. Джазовая публика сдержанная (во всяком случае, именно такой она видится Кристиану), джазовая публика умная. Немного расслабленная, немного рефлексирующая, ощущения толпы не возникает никогда. Напротив, каждый человек, пришедший послушать Кристиана, высвечивается, как в волшебном фонаре. Каждый человек отстоит от другого на довольно большом расстоянии: этого расстояния, этого пространства хватает на то, чтобы, никому не мешая, разместить мысли, чувства, ассоциации и – возможно – воспоминания.

Джаз – музыка воспоминаний.

И многого другого тоже, но воспоминаний прежде всего. Воспоминаний приятных, щемящих, немного грустных – как конец лета, венчающийся слепым дождем.

А если особенно вспоминать нечего (подобно случаю с самим Кристианом, чья жизнь похожа на уныло-однообразную жизнь звезды Сириус, какой она предстает перед зем-

ными, не вооруженными телескопом Хаббла наблюдателями) – можно предаться мечтам. Воспоминаниям о будущем. О том, что еще не случилось, но обязательно случится.

С Кристианом, например, может случиться девушка. Не обязательно русалка. Но подошла бы и русалка, если она, конечно, любит джаз. Любить джаз – необходимое и достаточное условие. Любить джаз – все равно что любить самого Кристиана. А уж Кристиан сумел бы отблагодарить ее за любовь, он умеет быть благодарным!

Даже двоюродной сестре, не способной выносить его музыкальные экзерсисы дольше минуты. Но и за эту минуту он признателен. Мелкие подарки, плюшевые игрушки, купленные со скидкой парфюмерные наборы – это ли не выражение признательности? А однажды, когда вместо одной минуты она задержалась в его комнате на целых три, Кристиан повел ее ужинать в дорогой ресторан, специализирующийся на морепродуктах.

Не оттуда ли возникла тема с русалкой?

Все может быть, но своей гипотетической девушке он подарил бы нечто большее, чем игрушки и гели для душа, идущие в комплекте с лосьонами. Он подарил бы ей музыку. Для такого торжественного случая у Кристиана заготовлена речь. Которую он обязательно произнесет перед своей публикой, когда станет афроамериканцем и гениальным джазменом.

«Я посвящаю эту композицию той, – скажет Кристиан, – которая осветила мою жизнь светом слепого дождя, идущего

в самом конце лета. Это легкий свет, прозрачный, желтоватый, хотя лучше назвать его песочным. Когда я впервые увидел эту девушку, мое сердце тоже стало песочным. Оно превратилось в замок из песка, и замок ждет свою владелицу».

«Замок из песка» – именно так и будет называться вещь, которую Кристиан исполнит под занавес своего триумфального выступления.

Жаль, что она еще не придумана.

С другой стороны, хорошо, что не придумана, – иногда Кристиан сомневается в названии. Всем известно, что человек, строящий замки из песка, иногда похож на праздного мечтателя, неспособного отличить реальность от вымысла и непрочно стоящего на ногах. Как материал, из которого можно вылепить жизнь, песок не очень-то надежен.

Эту – довольно щекотливую – тему с песком не мешало бы обсудить с кем-нибудь, кто обладает трезвым и практическим умом. Из всех немногочисленных знакомых Кристиана подобным умом могут похвастать лишь двоюродная сестра и Шон, самый близкий друг. Но говорить с сестрой Кристиану не хочется (насмешливой жалости не избежишь), а Шон слишком далеко.

Шон вот уже несколько лет живет в Камбодже, чье коренное население вряд ли когда-либо слышало о джазе. Шон тоже не относится к числу его горячих поклонников, он вообще далек от музыки. Но и человеком *нетворческим* его не назовешь.

Шон – фотокорреспондент и оператор-документалист.

Ни одного репортажа, снятого Шоном, Кристиан не видел, его двоюродная сестра тоже. В ее воспоминаниях Шон так и остался праздным парнем, лишь болтающим о головокружительной карьере, которая поджидает везунчика Шонни за соседним углом, стоит только миновать перекресток. Время от времени двоюродная сестра вспоминает о Шоне – и тогда Кристиану начинает казаться, что язык у нее раздваивается и с него капает яд.

В последний раз яд капал аккуратно на тарелку с креветочным салатом – во время исторического ужина в ресторане морепродуктов.

– Ну а как там поживает твой дружок? – стараясь выглядеть равнодушной, спросила двоюродная сестра.

– Какой? – Кристиан напустил на себя еще большее равнодушие.

– Как будто у тебя так много дружков! Я имею в виду этого жалкого хвастунишку Шона, кого же еще!..

– А-а... Наверное, хорошо.

– Наверное? Только не говори, что не поддерживаешь с ним связь.

«Поддерживать связь» – слишком громко сказано, учитывая, что Камбоджа настолько далека от всего на свете, что выглядит мифической. Почти не существующей. Но Шон иногда присылает Кристиану электронные письма средней величины, в которых почти нет Камбоджи и реалий, связан-

ных с Камбоджей, но есть сам Шон.

Везунчик Шонни, уже свернувший за угол, за которым его поджидает, то и дело поглядывая на часы, головокружительная карьера.

Больше всего Кристиану – верному другу и доброму малому – хочется, чтобы Шон не опоздал на встречу. Но из писем Шона ничего невозможно понять. Состоялось ли судьбоносное свидание или было перенесено ввиду загруженности перекрестка, отделяющего фотокорреспондента и оператора-документалиста от цели.

Шон много работает – это ясно из писем.

Шон любит свою жену и маленькую дочь – это ясно из писем.

Шон никогда не вернется на родину – это ясно из писем.

Возможно, это не ясно самому Шону, но Кристиан – совсем другое дело. Кристиан видит вещи и обстоятельства такими, какими они еще не сложились, но вот-вот сложатся. Или сложатся в отдаленной перспективе. Это видение, а лучше сказать, предчувствие – побочный эффект заброшенного черт знает куда (в угоду несговорчивому и деспотичному саксофону) математического дара. Предоставленный сам себе, дар выстраивает причинно-следственные цепочки, целиком состоящие из цифр разной степени упитанности. Цифр так много, что уследить за ними нет никакой возможности, иногда в их стройные ряды вклинивается какой-то мелкий предмет наподобие обгрызенного колпачка от шари-

ковой ручки, точилки для карандашей, пуговицы, ластика со слоном, сигаретного фильтра... Ненужный хлам, он тем не менее является составной частью математической формулы.

Ненужный хлам всегда сопровождает неизвестное, которое нужно найти.

Замени ластик со слоном на скрепку – и формула сразу же примет другой вид. И повлияет на другие формулы. Или вообще потянет за собой новые. От этой смехотворной детали (ластика, скрепки) в конечном итоге зависит результат. При ластике он был бы одним. При скрепке – прямо противоположным. Справедливости ради: мелкие предметы из не поддающихся осмыслению Кристиановых формул не всегда ничтожны.

Временами встречается нечто оригинальное.

Ценное.

Едва ли не антикварное.

Так было в случае с дурацкой подсознательной проекцией жизни Шона. Там фигурировала почтовая марка. Вернее, несколько марок, но только одну Кристиану удалось разглядеть в мельчайших подробностях. На марке была изображена морская раковина нежно-зеленого цвета с перламутровыми внутренностями. Вряд ли раковина называлась **CAMBODIA**, но это было единственное слово, которое понял Кристиан.

В отличие от большинства мелких предметов, гнездящихся в формулах Кристиана, марка с раковиной имела впол-

не реальное происхождение. Она украшала собой бандероль, которую Шон прислал около года назад. В бандероль был вложен фотоальбом, отпечатанный типографским способом, и все фотографии в нем принадлежали Шону.

Любая из них способствовала бы головокружительной карьере – именно так подумал тогда Кристиан, ведь фотографии чудо как хороши. Или хороши те, кто на них изображен? Хороши на взгляд Шона, субъективный и объективный одновременно. Вооруженный камерой, Шон смотрит на этих людей с субъективным обожанием и не менее субъективной нежностью. Обожание и нежность с максимально возможными предосторожностями вручаются Кристиану, стороннему наблюдателю. Кристиан проникается ими, как проникся бы любой тонко чувствующий человек, – и они становятся фактором объективным.

Так и есть, эти два существа из фотоальбома никого не могут оставить равнодушным.

За ними хорошо просматривается вечная, как мир, история. Несколько историй. История превращения обыкновенной, немного усталой женщины в богиню. История превращения плода в младенца, а младенца – в маленькую девочку. История любви.

Впрочем, у любви здесь нет никакой истории.

История (любая история) предполагает наличие завязки, кульминации и развязки. Завязка – если она и была – оказалась вынесенной за рамки альбома. И любой его открывший

имеет дело лишь с кульминацией, которая никак не желает заканчиваться.

Везунчик Шонни влюблен.

Кристиан видел своего друга разным, но никогда не видел таким безнадежно влюбленным, а посмотреть есть на что. Женщина из альбома похожа на восхитительный пейзаж – это первое, что приходит на ум. Второе, прямым вытекающее из первого: пейзажем можно восхищаться, но им нельзя обладать. И третье, ниоткуда не вытекающее: Шон никогда не любил двоюродную сестру Кристиана, хотя они и встречались около двух лет и даже всерьез подумывали о свадьбе.

Шон сбежал накануне обручения.

Без всяких объяснений, без телефонного звонка, без мужественного прощального письма в три строчки. *«Хорошо еще, что все случилось не перед алтарем»*, – подумал тогда Кристиан; хорошо, что дело не дошло до вручения кольца (кольцо было куплено, они выбирали его вместе с Шоном, и это было дорогое кольцо).

Кристиан ни секунды не злился на Шона, разве что на пустоту, которая заняла место его лучшего друга. У пустоты не существовало даже адреса, по которому можно было бы отправить кольцо. Деньги-то потрачены, и это деньги Шона, а кольцо осталось у Кристиана. До сих пор лежит в кухонном шкафу, в жестянке из-под миндального печенья.

Кристиан старается не наткнуться на него. Старался – до тех пор пока не получил первое письмо от Шона: полгода

спустя после его бегства. Ни слова о двоюродной сестре, ни слова о внезапном исчезновении, ни слова о том, где он сейчас. И – хотя письмо не было прощальным, совсем наоборот – в нем были все те же три строчки:

«Привет, Крис!

У меня все пучком, дела идут великолепно, а что твой саксофон? Надеюсь, ты уже укротил этого мерзавца? Шон, твой потерянный друг, если ты еще не забыл меня».

Кристиан пару дней размышлял над ответом (слишком много он хотел сказать Шону), и в результате появилось вполне адекватное:

«Привет, Шон!

Я не забыл тебя. Что делать с кольцом?»

Еще через три дня от Шона пришли идиотские инструкции относительно кольца:

«Отдай его первой девушке, которая тебе понравится».

Везунчик Шонни имеет над Кристианом странную власть, так было всегда. Что бы ни делал Шон, какую бы глупость или – хуже того – низость он ни совершил, Кристиан всегда найдет ему оправдание. Слава богу, низостей почти не случалось, если вынести за скобки прискорбный случай с двоюродной сестрой. Но и здесь Кристиан посочувствовал скорее Шону, а не сестре. А ведь он любит сестру, он привя-

зан к ней... Выходит, что к Шону он привязан больше? Или это обыкновенная мужская солидарность? Если и так, это не объясняет природу зависимости от Шона. Даже существующего непонятно где и являющегося Кристиану исключительно в электронном виде. Вот и тогда Кристиан последовал идиотским Шоновым инструкциям. Несколько дней он бродил по городу в поисках девушки, которой можно было бы с легким сердцем отдать кольцо. Сидел в кофейнях и пабах, посетил вечеринку кислотного джаза, посетил фотовыставку «Боди-арт: вчера, сегодня, послезавтра» (работ Шона там не оказалось), посетил два железнодорожных вокзала, аэропорт и зоопарк; проторчал полдня в местах массового скопления туристов, но...

Девушка так и не нашлась.

То есть не нашлась та самая девушка для кольца, а вообще девушек было много. Сотни, может быть, тысячи красивых, хорошеньких и так себе. И не то чтобы они не нравились Кристиану. Нравились. Но не настолько, чтобы круто изменить жизнь кольца. *«Пусть пока остается в жестянке»*, – решил для себя Кристиан, а Шону послал письмо следующего содержания:

«Ничего не получилось, Шон. Наверное, девушка, которая бы мне понравилась, еще не родилась. Или живет совсем в другой стране, и мы никогда не увидимся. Не лучше ли продать кольцо? А деньги я вышлю тебе, если ты сообщишь адрес. Твой друг

Кристиан».

Ответ Шона, свалившийся в электронный ящик ровно через две недели, озадачил Кристиана. До сих пор Шон не проявлял себя как философ и поэт, а тут...

«Она найдется, Кристиан, вот увидишь. Даже если окажется русалкой с иностранным паспортом, которая любит джаз. Самое правильное в этой ситуации – просто подождать. Твой друг Шон».

Вот интересно, откуда это Шон пронюхал о русалке, он экстрасенс? Ровно час Кристиан чувствовал себя не слишком уютно. И ощущение, что Шон (неожиданно увеличившийся в размерах до ацтекской пирамиды) разглядывает его сквозь лупу, как какого-нибудь муравья, не проходило до тех пор, пока Кристиан не вспомнил: русалка неоднократно всплывала на поверхность в разговорах с сестрой; шуточная тема, которую можно развивать сколь угодно долго и в разных направлениях. И не исключено, что русалку (как гипотетическую пассию Кристиана) сестра обсуждала и с Шоном в период их вялотекущего романа. И не исключено, что сам Шон подбросил сестре идею с русалкой.

Не слишком сложная формула с одним неизвестным (миниатюрный русалочий хвост, похожий на хвост рыбки анчус), но джаз!..

Русалка, которая любит джаз, – легкая эротическая фантазия самого Кристиана, он не делился с ней ни с кем.

Шон – экстрасенс. Или просто – лучший друг. И от того,

что он уехал куда-то, лучшим другом он быть не перестал. Только лучшим друзьям позволительно прогуливаться в голове Кристиана и сбивать палкой обрывки его мыслей, как сбивают соцветия на кустах. У Шона это получается виртуозно, даже в электронном виде.

Кристиан не в состоянии злиться на Шона и поэтому злится на себя, на обрывки своих мыслей, докатившиеся до Шона: соцветия могли бы быть и посимпатичнее. Ирисы и лотосы, а не какая-нибудь шизофреническая белладонна.

Последующий диалог Шона и Кристиана (прогулки с палкой по кустам) растягивается на несколько месяцев:

«У меня есть собака и две кошки. Я хочу, чтобы они жили вечно. Твой друг Шон».

«Это какие-то особенные собака и две кошки? Редкой породы? Никто не живет вечно. Твой друг Кристиан».

«Да, они особенные, и порода тут ни при чем. Твой друг Шон».

«А зачем тебе, чтобы они жили вечно? Если они будут жить вечно, а ты умрешь, – кто позаботится о них? Если некому будет позаботиться – они начнут страдать. Ты ведь не хочешь, чтобы они страдали? Твой друг Кристиан».

«Если они будут жить вечно, то и у других появится шанс. Твой друг Шон».

«У других собак и кошек? Или я чего-то не понимаю? Твой тупой друг Кристиан».

«Я просто грущу, потому что пес болеет. Он старый. Твой сентиментальный друг Шон».

«Надеюсь, что твоя собака выздоровеет. Как ее зовут? А с кошками все в порядке? Твой друг Кристиан».

«Ама́ку. Пса зовут Амаку. Ему лучше. С кошками тоже все в порядке. Твой друг Шон».

«А с тобой? Ты ничего не рассказываешь о себе, я даже не знаю, где ты. По-моему, это неправильно. Твой друг Кристиан».

Вопрос Кристиана повисает в Сети на долгие месяцы: наверное, не стоило спрашивать Шона о его нынешнем месте обитания, в этом есть какая-то тайна. Неужели Шон совершил что-то настолько противоправное, что теперь вынужден скрываться?

Чушь и бессмыслица. Шон – отличный парень, все его авантюры невинны, во всех его начинаниях присутствует здоровое зерно, ни грамма плесени, ни капли болотной воды. И потом, когда скрываются – не заводят пса и двух кошек, это было бы глупо. Недальновидно. Невозможно тратить силы на грусть по поводу болезни какого-то пса, если находишься в бегах.

Все силы уходят на другое.

С псом тоже не все ясно. У пса странное имя – Амаку, оно похоже на африканское. Везунчик Шонни окопался в Африке?.. Жаль, что Кристиан не успел спросить у Шона относительно кошачьих кличек (вдруг они тоже африканские?) –

тогда бы все встало на свои места.

Еще кое-что не дает покоя Кристиану: возраст Амаку.

Любовь к братьям меньшим никогда не была отличительной чертой Шона. У него и мысли не возникало завести домашнее животное – и вот пожалуйста, он оказался владельцем пса. Не щенка, а взрослой, даже старой собаки. Откуда взялся этот Амаку? Каким образом ему удалось занять в не склонном к сантиментам сердце Шона такое место, которое не каждый человек займет?

«*Твой сентиментальный друг Шон*», ну надо же! Кристиан заинтригован.

Нет, он не думает о Шоне постоянно (постоянно Кристиан в состоянии думать лишь о неподатливом саксофоне), но сны его вдоль и поперек исчерчены линейными уравнениями. Самый назойливый из снов выглядит так: Кристиан стоит у доски с мелом в руках – и пишет, пишет. Мел крошится, от него то и дело отваливаются куски, цифры выходят уродливыми и корявыми.

Таковыми же уродливыми оказываются и сами уравнения, в них нет ясности, легкости и красоты; Кристиан вот-вот схлопочет «неуд», все старания – псу под хвост.

И Кристиан даже знает, как зовут этого пса, но от этого не легче.

Одного пса недостаточно.

Есть еще две кошки, можно привлечь и их, но ведь изначально речь шла о линейном уравнении (данность сна)! А с

кошками оно может трансформироваться в квадратное, или даже кубическое, или вообще обзавестись свинским трансцендентным числом на манер десятичного логарифма. А при таком раскладе решение уравнения с целыми коэффициентами невозможно в принципе – это математическая бессмыслица, *чертовы кошки!*..

Чтобы перестать топтаться у доски и крошить мел, Кристиану явно чего-то не хватает.

И это «что-то» наконец приходит – без всяких ухищрений и дополнительных усилий с его стороны: в виде бандероли с наклеенными на нее марками-раковинами. Марок не меньше десятка, все они повторяют друг друга, так что можно вести речь именно об одной марке. Об одной раковине. Остальное тоже представлено в единственном экземпляре:

у Шона один фотоальбом;

у Шона одна женщина-модель;

у Шона одна всепоглощающая страсть и другой не будет никогда.

Шон попал в западню любви, выхода из которой нет, но – даже если бы и был – кто станет его искать? Все только и мечтают о том, чтобы угодить в любовный капкан (Кристиан не исключение), но счастье улыбается лишь единицам.

Шонни и впрямь везунчик!

У него самая ослепительная жена на свете. У него самая красивая на свете дочь. Две его кошки совершенны, его собака состарилась так же благородно, как состарились вели-

кие актеры Голливуда. Как состарились апостолы Петр и Павел.

И по мере того как Кристиан переходит от одной альбомной фотографии к другой, проясняется скрытый смысл коротких *sadness*¹ монологов Шона: дело вовсе не в кошках, которым Шон желает вечной жизни, дело не в псе по имени Амаку. Их возможная вечность – всего лишь испытательный полигон. Модель. Проекция. Вечная жизнь животных все же короче вечной жизни людей. А именно этого страстно жаждет Шон: вечности для своих любимых существ, женщины и ребенка. И вечность здесь не синоним бессмертия, как может кому-то показаться.

Вечность – синоним безопасности.

С ними ничего не должно случиться. Ничего, что привело бы к страданиям и смерти.

Вечная жизнь исключает такие неприятные вещи, как разбиться в машине, вылетев на встречную полосу; погибнуть в авиакатастрофе; отравиться угарным газом; сгореть за считанные месяцы от неизлечимой болезни. Тот, кому уготована вечная жизнь, никогда не станет жертвой разбойного нападения, жестокого изнасилования, техногенной или природной катастрофы.

Неужели Шон так наивен?

Он просто влюблен, ничем другим не объяснишь мечты о семейном Эдеме, который – во всей своей тихой красе –

¹ Печальный (англ.). – Здесь и далее примеч. авт.

предстает на фотографиях. Следов самого Шона в Эдеме не обнаруживается (оно и понятно, летописец Шон бродит с фотоаппаратом у изгороди, на границе кадра). Но и женщины с девочкой и их священных животных вполне достаточно.

У женщины странное для Кристианова уха имя **DASHA**, так гласят подписи.

Стоя на границе кадра, где-то рядом с невидимым Шоном, Кристиан успевает заметить, что любимая женщина его друга не так уж молода. Ей далеко за тридцать, может быть, к сорока, она намного старше – и Шона, и Кристиана. «Старше навсегда», как выразилась бы склонная к цинизму двоюродная сестра. Этот факт тем не менее совершенно бесполезен, ни в одну формулу его не воткнешь. Кристиан входит в снимки *Dasha*, как входят в море: только поначалу вода кажется холодной, но к этому быстро привыкаешь. Только поначалу мелькает глупая мыслишка о возрасте, но потом...

Кристиан ощущает покалывание в пальцах и легкую боль в сердце.

Он очарован, сбит с ног, сражен наповал; в жизни своей он не видел женщины прекрасней. Вот кому он без колебаний отдал бы кольцо – *Dasha*, жене своего лучшего друга. Если бы... Если бы она не была женой его лучшего друга. Если бы он просто встретил ее на улице, в пабе, на вокзальном перроне, в зоопарке, куда бы она заглянула, чтобы показать дочке семейство муравьедов; в местах массового скопления туристов... О да, взгляд Кристиана сразу же выдернул

бы *Dasha* из толпы – так разительно отличается она от всех других людей.

Как инопланетянка, как... русалка.

У всех хрестоматийных русалок длинные густые волосы необыкновенной красоты. У *Dasha* тоже, но на этом сходство с русалками заканчивается.

У *Dasha* прелестные маленькие ноги, а никакой не хвост.

Прелестные маленькие ноги не омрачены никакой обувью. Вот почему встреча Кристиана и *Dasha* невозможна ни в пабе, ни на вокзальном перроне, ни в любом другом месте.

В родном городе Кристиана никто не ходит босиком.

Конечно, в летний сезон среди миллионов жителей обязательно найдется сотня босоногих фриков. Оранжевых буддистских монахов, сильно адаптированных к местности. Простаков-туристов с натертыми до кровавых мозолей пятками. Престарелых хиппи. Только что потерявших работу яппи: снятые ботинки идут в комплекте со снятыми галстуками и носками, засунутыми в карманы. Кристиан несколько раз видел таких молодых людей и даже прошел за одним парнем пару кварталов. Так, на всякий случай, слишком уж несчастным он выглядел, того и гляди с собой покончит. Но ничего из ряда вон парень не совершил, и Кристиан оставил его в спортивном баре накачиваться водкой. Под присмотром как минимум десятка человек.

Несмотря на некоторые странности в стиле jazz, у Кристиана добрая душа.

В жизни своей он не совершил ни одного поступка, которого можно стыдиться. Он всегда был преданным другом, заботливым сыном, чутким и внимательным братом. И просто человеком, неспособным пройти мимо обиженного ребенка, бездомного пса, плачущей женщины. И не его вина, что лучший друг покинул его, мать умерла от рака, не дожив и до пятидесяти, а двоюродная сестра слишком цинична, чтобы по достоинству оценить чуткость. Не его вина, что рядом с обиженными детьми, бездомными псами и плачущими женщинами оказываются совсем другие люди. На полкорпуса опережающие слишком уж медлительного и деликатного Кристиана.

Вот и Шон оказался рядом с *Dasha*, хотя при других обстоятельствах...

Ну нет, другими обстоятельствами здесь и не пахнет. Чтобы встретить ее, нужно было как минимум уже иметь девушку, а затем отказаться от нее, покинуть одну страну и всплыть совсем в другой. Теперь Кристиану известно и название этой – другой – страны, оно увековечено на марках с раковиной: Cambodia.

Камбоджа.

Кристиан пытается смоделировать хотя бы одну ситуацию, при которой он мог оказаться в Камбодже, но ничего утешительного на ум не приходит. А все потому, что такой ситуации не существует в принципе. Кристиан не волонтер, не миссионер, не авантюрист, не проповедник. Он не

путешественник, коллекционирующий впечатления; не турист; не археолог; не историк; не лингвист; не спецкор крупной телекомпании, чьи офисы разбросаны по всему миру. И еще масса всяческих «не», частоколом окружающих умозрительную Камбоджу, не дающих прорваться к ней. Даже будь Кристиан самым настоящим джазменом (о, несбыточная мечта!) – и тогда визит туда выглядел бы проблематичным. В Камбодже не проводятся джазовые фестивали.

Либо они очень локальны. Малозначительны.

Не то что храмовый комплекс Ангкор-Ват (Кристиан вычитал о нем в Интернете). На фотографиях Ангкор-Ват выглядит грандиозно, хотя и не трогает сердце Кристиана. Маленькие ступни *Dasha* — вот что волнует его. Клубящиеся, как гроззовые облака, волосы *Dasha* — вот что волнует его. Ее совершенная фигура, даже во время беременности она не переставала быть совершенной. *Dasha* не позировала Шону голой, как это принято в среде знаменитостей: всего лишь несколько сменяющих друг друга платьев спокойных расцветок – бледно-розовое, оливковое, фисташковое. Больше всего беременная *Dasha* напоминает Кристиану волшебный лес, в недрах которого прячется купол маленького Ангкор-Вата. Кристиан рассматривает снимки днями напролет, доводя себя едва ли не до религиозного экстаза. Как бы ему хотелось затеряться в волшебном лесу!.. Прильнуть губами к ступням, коснуться руки, коснуться волос.

Как бы ему хотелось стать псом по имени Амаку (пес тоже

имеется на фотографиях). Кристиан не в состоянии определить породу, но собака большая, лобастая, с массивным костяком и толстыми лапами. Две кошки, наоборот, грациозны и тонки. Длинные ноги, клиновидные морды и большие уши выдают ориенталов – шоколадного и мраморного окраса.

Пес и ориенталы очень привязаны к волшебному лесу, они не отходят далеко, на любом из снимков обязательно найдется кошка или собачий хвост. Почти на любом, исключая портреты *Dasha*. Их пять, у каждого – свое название, Кристиан запоминает их с лету:

- сандал
- мпинго
- бальса
- туласи
- тамаринд.

Единственное знакомое ему слово – *сандал*. Что-то связанное с благовониями, но если посмотреть на предмет шире – возникнет дерево. Одно из тех, что образуют волшебный лес по имени *Dasha*. Так и есть: сандал – дерево, в диком виде оно встречается на острове Ява и на Тиморе. Тамаринд и бальса – тоже деревья, но на Тиморе их не сыщешь, нужно отправляться в Судан, Гану или вообще в Латинскую Америку. Мпинго (после недолгих и отнюдь не математических вычислений) трансформируется в африканское черное дерево, чья плоть имеет чрезвычайную ценность. И лишь *туласи* при ближайшем рассмотрении оказывается не деревом – ку-

старником, базиликом. Никаких противоречий с остальными представителями флоры здесь нет, и кустарнику не возбраняется расти в волшебном лесу. Тем более что это не просто базилик – а священный базилик.

Ocimum sanctum.

Не приправа к пище (одна лишь мысль об этом святотатство), а растение, обвивавшее Голгофу.

Туласи – самый грустный портрет. Наверное, именно такой была *Dasha*, когда они встретились с Шоном. В ее лице слишком много печали, слишком много тайн, которые она не успела спрятать, или у нее не было сил спрятать, или ей было совершенно все равно, увидит ли кто-нибудь эти тайны или нет. Дверь в тайны распахнута настежь, но рассмотреть, что там, в глубине, мешает плотная москитная сетка, выкрашенная в ярко-голубой.

Глаза у *Dasha* именно такого цвета.

Нестерпимо голубые.

А грозовые облака волос – светло-русые.

Dasha не камбоджийка, не кхмерка. И уж точно не родилась там, где произрастает африканское черное дерево мпинго. Ее родина трагически не совпадает с родиной сандала, бальсы и тамаринда. Ее родина – намного севернее, возможно, это Скандинавия. На этом настаивают светло-русые волосы, но глаза... Нестерпимые, нереально яркие глаза это опровергают. У двоюродной сестры Кристиана было несколько подруг из Скандинавии – шведки или норвежки,

Кристиан так и не запомнил, хотя (по просьбе сестры) провел с ними целый день: в ознакомительном туре по городу. Шведки или норвежки не отличались особым рвением в изучении достопримечательностей, то и дело норовили засесть в баре с литровыми пивными кружками, и выкурить их оттуда было довольно проблематично. Кроме того, шведки или норвежки оказались слишком громкими, слишком грубоголосоными – настолько, что к концу тура у Кристиана разболелась голова. Кажется, их было трое, но у него сложилось впечатление, что он сопровождает целую хоккейную команду. Причем в полной амуниции, разве что без коньков.

Амуниция – конечно же, метафора.

Не на пустом месте родившаяся, впрочем. Залетные подруги сестры так плотно сбиты, что немедленно возникает ощущение: под бледной кожей скрываются хоккейные трусы с майками, наколенники, налокотники и даже вратарские щитки. К тому же члены импровизированной скандинавской сборной то и дело посылали невидимые шайбы в лицо Кристиану. На каждой из шайб выгравировано по вопросу, иногда – очень личному, иногда – абстрактно-непристойному; иногда личное и непристойное смыкались, и Кристиан ощущал вполне конкретную резкую боль в переносице. Под вечер к раскальвающейся голове добавились еще и переносица, и ноющая челюсть, – а все потому, что Кристиан не способен толком защититься от неудобств, которые несет с собой назойливое человеческое любопытство.

И ему совершенно нечего рассказать о себе.

А то, о чем бы хотелось рассказать, – слишком интимно. Первому встречному такое не доверишь. Никому не доверишь. Разве что *Dasha*.

Вот кому бы Кристиан вручил собственную душу – *Dasha*, совершенно неизвестной ему женщине. Жене его друга Шона, не камбоджийке, но и не скандинавке тоже. *Dasha*-туласи (печальной), *Dasha*-сандалу (замершей в ожидании чего-то волнующего), *Dasha*-мпинго (хозяйке Эдема). Бальса и тамаринд (каждый на свой лад) заставляют Кристиана вспомнить слова, которые ему бы и в голову не пришло применить к себе самому:

умиротворение и покой.

Впрочем, в сердцевине бальсы есть что-то еще. Что-то такое, что не умещается в одном слове. Это искусно спрятанный в древесных волокнах обрывок *предыстории покоя*, напрямую связанный с тайнами за москитной сеткой. Как будто *Dasha* во все лопатки бежала от них, через страны, через континенты; бежала так быстро, что пес по имени Амаку едва поспевал за ней, а два ориентала – шоколадного и мраморного окраса – обязательно бы потерялись, если бы *Dasha* не взяла их на руки. Какую-то часть пути они сидели смирно, но потом начали волноваться и даже оцарапали *Dasha* — и вовсе не потому, что захотели причинить ей боль.

Меньше всего они хотели бы причинить ей боль, они просто волновались и были обескуражены происходящим, вот у

Dasha и остались шрамы на предплечьях – от кошачьих когтей. Короткие и легкие. Наверное, шрамов было бы больше, если бы *Dasha* не остановилась. Не наткнулась на везунчика Шонни. Не рухнула в его раскрытые объятия. И не получила бы так нужную ей передышку, а умиротворение и покой пришли чуть позже.

Или чуть раньше, но именно в тот момент, когда Шон увидел *Dasha* и влюбился в нее, – и здесь разрыва во времени не существует. Потому что, увидев *Dasha*, в нее нельзя не влюбиться, тотчас же, сию минуту, сию секунду.

Так, во всяком случае, кажется Кристиану, об этом же говорит присланный Шоном фотоальбом.

Кристиан так долго думал об этой встрече, случившейся в Камбодже или где-нибудь еще, что она даже приснилась ему. Вообще-то Кристиану редко снятся сны, в которых так или иначе не присутствуют формулы.

В том сне формул не было, ни одной.

Но были *Dasha*-туласи, Шон (чье лицо постоянно ускользало), оба ориентала, безыскусные тамаринд и бальса – никак не связанные с *Dasha*, а такие, какими Кристиан впервые увидел их на картинках из Интернета. Храм Ангкор-Ват, неподвижный, мрачноватый, совсем не фотографический, а скорее гравюрный. И девочка.

Крошечная. Лет трех или около того, дочь Шона, родившаяся в Камбодже, где все они осели – вместе с животными, вместе с любовью.

Кристиан никогда не интересовался жизнью маленьких детей, он и близко к ним не подходил (прекраснодушные мечты утешить плачущего ребенка так и остались мечтами), но... Эта девочка – совершенно особенная, ведь она не только дочь Шона, но и дочь *Dasha*. Тот самый купол храма, спрятанный в волшебном лесу. Девочку зовут не менее загадочно, чем мать, – Умала`ли, на фотографиях из альбома она выглядит сущим ангелом.

В том странном сне и самому Кристиану удалось приблизиться к ангельскому. Как будто бы он (во снах все возможно!) и был Умалали: недолго, какие-то мгновения, но их оказалось достаточно, чтобы почувствовать легкую тревогу. И беспокойство: мутноватое и скругленное по краям – как бутылочное стекло, долго пролежавшее в морской воде. Природу беспокойства выяснить так и не удалось – Кристиан снова стал собой. И уже в этом качестве его настигли совсем другие чувства: грустная влюбленность в *Dasha*, которая никого не тревожит только потому, что не в состоянии принести вреда. Следующим на очереди было еще одно перевоплощение —

самое непонятное и пугающее.

Кристиан так и не смог понять, в кого именно он перевоплотился, но уж точно не в двух ориенталов и не в пса по кличке Амаку. И не в бальсу с тамариндом, чьи ветви намертво переплелись, сузив пространство сна до размеров sklepa. До сих пор у Кристиана было довольно расплывчатое

представление о склепах, одно он знал точно: это не слишком веселое место. Наверное, оно больше бы соответствовало беспомощной грустной влюбленности, но... Перевоплотившись в кого-то еще, Кристиан чувствует ярость, обиду и злость. Объекты, на которые направлены эти малопочтенные эмоции, постоянно меняются: Шон, *Dasha*, и даже малютка Умалали, и даже кошки; лишь бальсе с тамариндом ничто не угрожает. Они ведь деревья, и испытывать к ним любовь невозможно... Так и есть – любовь! Ярость, обида и злость густо замешены на любви. Ничего общего не имеющей с грустной и какой-то ненатуральной (фотографической) влюбленностью Кристиана.

Кто может испытывать такие странные и двусмысленные чувства?..

Сон этого не проясняет, и после него у Кристиана остается ноющая тоска. Она падает в его рыхлую, размягченную душу подобно семени и прорастает там, пуская корни. В надежде выкорчевать сорняк (ни с чем другим, кроме вредоносного сорняка, тоска не ассоциируется) Кристиан пишет письмо Шону. Вполне нейтральное, но исполненное дружеского любопытства: *«Тебя окружают прекрасные женщины, Шон, и они достойны того, чтобы твой далекий друг Кристиан знал о них чуть больше, чем до сих пор. Кристиан вообще хочет хоть немного узнать о твоей нынешней жизни, в этом ведь нет ничего предосудительного, не так ли?»*

Ничего предосудительного, именно так.

И сквозящее между строк Кристианово восхищение развязывает Шону язык: ответное письмо – самое длинное и обстоятельное из всех полученных. Из него Кристиан узнает, что *Dasha* — русская (а совсем не скандинавка), что они познакомились в Гане (вот интересно, что Шон делал в Гане? и что делала там русская *Dasha*?), что это была любовь с первого взгляда (о, везунчик Шонни!) и что везунчик счастлив, безмерно счастлив и не перестает благодарить бога за эту встречу. Как не перестает благодарить бога за Умалали – имя принадлежит стране, в которой они встретились, отец зовет ее Ума, а мать – Лали, с ударением на последнем слоге —

Лали`

Лали – их гордость, их радость, она очень умненькая девочка и хорошенькая до невозможности, с Шоном она бойко болтает по-английски, с *Dasha* — по-русски. Она отлично ладит с кошками, пес Амаку боготворит ее, и камбоджийская прислуга тоже, они считают ее одним из воплощений Белой Тары. И не слишком прилежному христианину Шону льстят эти преувеличения, без всякой деликатности вырванные из буддистского контекста.

Кто такая Белая Тара?

Кристиан снова обращается к Интернету и находит миллион восемьсот тридцать одно упоминание о ней – женщине-бодхисаттве, исцеляющем и приносящем удачу божестве. Ум Кристиана не настолько гибок, а память не настолько хо-

роша, чтобы запомнить все характеристики. Некоторые и вообще отвергаются им по причине явной нелепости: у настоящей Тары семь глаз, по одному на ступнях и ладонях, плюс еще один во лбу, а Лали – самая обычная девочка, без всяких анатомических отклонений. Поисковых запросов за месяц относительно богини – не меньше ста тысяч. Примерно столько же раз Кристиан ловил себя на мыслях о матери Лали, в переложении на количество минут в часах и часов в сутках выходит, что Кристиан думает о *Dasha* постоянно.

Магистральная мысль: именно этой женщине, единственной из всех, он подарил бы кольцо. Но Шону, его лучшему другу, знать об этом совсем не обязательно. Кристиан не собирается посягать на семейный Эдем, он не способен на вероломство, всего лишь – на грустную влюбленность издалека. О которой даже нельзя никому рассказать. Двоюродная сестра – едва ли не единственный его собеседник – только покрутила бы пальцем у виска: *«Ты в своем репертуаре, братец, не нашел ничего умнее, чем влюбиться в фотографию. И, кстати, откуда она у тебя, эта фотография?..»*

Подобного гипотетического вопроса и боится Кристиан. Ведь надо знать его двоюродную сестру: она обязательно докопается до истины, выудит у простодушного Кристиана всю правду о фотографии. И вряд ли ей понравится новое знание о Шоне, когда-то бывшем ее женихом. А теперь ставшем мужем совсем другой женщины. Затухшая было ненависть к Шону разгорится с новой силой и автоматически перенесет-

ся на самого Кристиана, жалкого предателя. Если это случится – кто будет слушать его джазовые импровизации?

Лучше уж молчать.

Но и молчать не получается. Чувство к *Dasha*, несмотря на эфемерность, слишком велико, оно не может уместиться в смехотворно маленькой емкости по имени Кристиан, оно требует выхода. И выход находится, такой же нелепый, как и сама жизнь Кристиана, – в переложении на саксофоны, одиночество, бесплодные мечты стать афроамериканцем и массу упущенных возможностей добраться хотя бы до какой-нибудь страны, необязательно Камбоджи.

Кристиан сканирует портрет *Dasha*-туласи, предварительно уменьшив его до размеров, способных поместиться в бумажник.

Первый шаг сделан, за ним следует второй: поиски людей, которые могли бы приобщиться к красоте его возлюбленной и по достоинству оценить ее.

Кристиан начинает с того самого бара, где оставил когда-то босоногого яппи. Почему, кстати, он бросил парня, на лице которого было написано явное желание расстаться с жизнью? Потому что посчитал, что теперь с ним ничего не случится: тамошний бармен показался ему надежным человеком, дурного он бы не допустил. Так и есть – бармен из тех людей, что способны выслушать любую, даже самую отчаянную исповедь. И дать пару дельных советов. Или просто сочувственно помолчать, иногда это важнее.

Прежде чем раскрыть карты (раскрыть бумажник с фотографией), Кристиан проводит в баре несколько вечеров, один из которых знаменуется победой «Манчестер Юнайтед» над «Ньюкаслем», а бармен – фанат «Манчестера». Кристиан равнодушен к футболу, но, оказавшись поблизости от бармена, поддерживает разговор как может. И даже пропускает стаканчик за здоровье Пола Скоулза, полузащитника.

Ни одного мяча в матче с «Ньюкаслем» Скоулз не забил.

Но он любимчик бармена и участвовал во всех трех голевых атаках. И к тому же скромняга, настоящий труженик, преданный клубу и собственной семье. Он не дает интервью и редко подписывает рекламные контракты – не то что молодые дешевки, которые и звездами-то стали по недоразумению. Вот если бы Пол заглянул сюда...

«*Было бы здорово*», – соглашается Кристиан, было бы здорово, если бы Пол заглянул сюда. Было бы здорово поговорить с этим классным парнем о вечных ценностях. О семье – ведь Кристиан тоже женат. И его жена – самая красивая женщина на свете, – *хотите взглянуть на нее?*..

Он не чувствует никаких угрызений совести, доставая из бумажника портрет *Dasha*, запаянный в кусок прозрачного плексигласа. Наоборот, его захлестывает восторг. Кристиан знал, знал, что все будет именно так: сначала бармен бросит на карточку равнодушный взгляд, потом равнодушие уйдет, и его брови поползут вверх, а рот округлится в восхищении.

– Красивая, – подтверждает бармен, не спеша отдавать фотографию. – Очень красивая.

– Да. Она прекрасна.

– Даже слишком хороша.

«Слишком хороша для тебя» – написано на лице бармена, и это портит настроение Кристиану. Но не настолько, чтобы перестать говорить о *Dasha*.

– Она русская.

– Да что ты! И где же вы познакомились?

И на это у Кристиана заготовлен ответ:

– Я был на гастролях в России. Я саксофонист, играю джаз...

– Вот как? И что Россия?

– А что – Россия?

– Она тебе понравилась?

– Ну... – К этому вопросу Кристиан не готов. – У меня было мало времени, чтобы по-настоящему узнать ее...

– А времени, чтобы жениться, хватило?

– Это была любовь с первого взгляда.

– Да... – Бармен все еще пялится на фотографию, и это начинает беспокоить Кристиана. – Пожалуй. Первого взгляда вполне достаточно. Говорят, в России очень холодно. И все пьют чистый спирт, чтобы согреться.

– Спирт мне не предлагали, – как может, выкручивается Кристиан.

– Но женщины там и впрямь красивые. Особенные.

– Особенности, да.

– Может быть, у твоей девушки...

– Жены!

– Жены... есть подруга? Такая же очаровашка... Для старика Даррена. Даррен – это я.

– Очень приятно. А меня зовут Кристиан.

– А ее? – Бармен щелкает плоским ногтем по фотографии. Жест не слишком почтительный, и Кристиан едва сдерживается, чтобы не отнять снимок самым бесцеремонным образом. Вдали от куска плексигласа он чувствует странное волнение, готовое вылиться в детскую истерику: еще бы, ведь посягают на самую большую драгоценность в его жизни.

Что, если бармен не вернет фотографию?..

– Даша. Ее зовут Даша. Ударение на последнем слоге.

Насчет ударения Кристиан не совсем уверен.

– Красивое имя. Необычное. Так как насчет подруги?

Есть ли у *Dasha* подруги? У нее есть Шон и маленькая Лали, две кошки, пес по имени Амаку и еще кто-то. Кто-то из сна, он бродит по опушке волшебного леса, время от времени надламывая ветки; думать о нем неприятно. Куда проще и безопаснее думать о самом слове «подруга». Ни с чем особенным оно для Кристиана не ассоциируется, за исключением скандинавской сборной по хоккею, сплошь состоящей из шумных и бессмысленных товаров его двоюродной сестры. Таких существ *Dasha* уж точно никогда бы не потерпела рядом с собой, вывод: друг у нее нет.

– У нее есть кошки. Две. То есть... у нас есть кошки.

– Кошка вряд ли меня утешит. – Бармен скалится в такой широкой улыбке, что становятся видны бледно-розовые десны. Ничуть не менее неприятные, чем мысль о таинственном персонаже из сна. – Интересно все же, почему она выбрала именно тебя?

– Кошка?

– Твоя девушка.

– Жена.

– Да... Что такого она, – тут старик Даррен снова сверяется с фотографией, – в тебе нашла?

Большому мальчику Кристиану давно пора бы знать, что все бармены – хорошие психологи. Даррену и пяти минут не понадобилось, чтобы засомневаться в правдивости истории, завернутой в плексиглас. Кристиан чувствует, как кровь приливает к щекам; при других обстоятельствах он поступил бы по своему обыкновению – ретировался, прикрываясь, как щитом, извинительной улыбкой («забудьте все, что я вам говорил, это была шутка»). Подобное случается всякий раз, когда его ловят на мелкой лжи – настолько мелкой и безобидной, что так и тянет раздавить ее, как гусеницу. С ложью покрупнее – генерируемой совсем другими людьми, правительствами и целыми государствами – ни одна подошва не справится, ничья. И возникает чувство неудовлетворения, требующее выхлопа. Тут-то и подворачивается микроскопическая ложь гусеницы-Кристиана, размазать ее – свя-

тое дело. До сих пор Кристиан ловко уходил от расправы, он и сейчас бы слинял, оставив недопитую кружку с пивом, но фотография...

– Она любит джаз, – ляпает Кристиан первое, что приходит в голову.

– И что?

– А я саксофонист, я его играю.

– Я помню. И что?

– Ну... Сначала ей понравилась моя музыка... А потом мы познакомились поближе, и оказалось, что я тоже ей понравился...

– Ну да, ну да... – Перекладина Дарренова рта выглядит такой твердой, что, взбреди Кристиану вскочить на нее как на подножку, он удержался бы на ней без труда. – Должно быть, ты очень хороший... э-э... саксофонист.

– Примерно такой же, как Пол Скоулз. Только он полузащитник, а я вот – играю джаз.

Сравнение со знаменитым футболистом, о существовании которого он и не подозревал еще десять минут назад, кажется Кристиану вполне уместным. Лучшего способа донести до поклонника «Манчестер Юнайтед» мысль о собственной значимости в мире джаза нет. Задача не в том, чтобы сопоставить масштабы, а в том, чтобы оценить их, – и на это способен любой, даже самый тупорылый футбольный фанат. Если, конечно, разговаривать на понятном для него языке.

И вероятность быть уличенным во лжи практически от-

сутствует: джазмены не рекламируют товары и услуги и не появляются на телеканалах *Sky Sports* и *MUTV*. Во всяком случае, ни одного анонса по этому поводу не было.

– А не хотел бы сыграть здесь, у нас? – неожиданно спрашивает Даррен.

– В спортивном баре?

– В день, когда не будет матча... Охота послушать музыку, из-за которой красивые женщины влюбляются в таких парней, как ты.

Последняя фраза бармена вытягивается в сознании Кристиана на многие мили: она похожа на дорогу, идущую вдоль побережья. С разными, иногда взаимоисключающими ландшафтами: там, где речь идет о музыке, дорога испещрена живописными скалами с островками девственного (мпинго? тамаринд?) леса. Там, где речь идет о красивых женщинах, и вид соответствующий – бескрайняя водная гладь и ослепительной чистоты белый песок. На нем просматриваются вещи, которые только красивым женщинам и могут принадлежать: легкие шарфики, полотняные сумки, соломенные широкополые шляпы, потерянные браслеты... И лишь в вотчине парней, подобных Кристиану, все мрачно и загажено, как на радиоактивной свалке; между ржавыми бочками бегают крысы, а озера протухшей воды фосфоресцируют недобрым светом.

Бармен явно или совершенно бессознательно оскорбил Кристиана, унизил его до положения крысы, ведь крысы не

нравятся никому. Даже играющие на саксофоне.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сухо говорит Кристиан. – Играть джаз здесь.

– Я только предложил. И раз уж не здесь, то где можно тебя услышать? Ты ведь выступаешь не только в России?

Затевая пасторальную и безобидную на первый взгляд историю с карточкой *Dasha*, Кристиан и не предполагал, что она заведет его так далеко. Что одной-единственной ложью не обойдешься, что к ней необходимы пристройки, настилы и пандусы из другой лжи. Желательно сверхпрочной, водонепроницаемой, противоударной и еще черт знает какой, созданной из редко встречающихся в природе материалов по самым современным технологиям.

– Не только, – соглашается Кристиан, чувствуя, как соскальзывает в бездну. – В Европе я выступаю тоже.

– Наверное, и диски есть?

– Да. Как раз недавно вышел диск.

– Подаришь? Раз уж мы почти друзья?..

Когда это они успели стать друзьями? – вшивый бармен из вшивого третьесортного заведения откровенно издевается над Кристианом. Глумится.

Не забывая при этом ощупывать цепким взглядом его лицо.

– Я возьму? – наконец-то решается Кристиан, занося руку над стойкой и протягивая ее к фотографии *Dasha*.

– Да-да, прости. И то правда – такую женщину как-то не

хочется выпускать из рук.

– Я знаю. Но это – моя женщина.

Простота, с которой последняя фраза вываливается изо рта, кружит Кристиану голову: на секунду он чувствует себя летательным аппаратом, парящим над водной гладью, над белым песком. Еще хранящим память, но *не обо всех красивых женщинах* — только об одной.

К забытому браслету прибавляются небрежно брошенное на песок платье (фисташкового цвета), цепочки собачьих, кошачьих и детских следов. Особенно хорошо они просматриваются у полосы прибоя, где песок достаточно тверд. Следы хаотичны; местами сплетаются, чтобы тут же отдалиться друг от друга: словно собака, кошки и ребенок метались по берегу в поисках... чего? *кого?*

Той, кто оставил платье фисташкового цвета.

Странное дело, в хаосе следов неожиданно обнаруживается некая система. Если присмотреться, то можно легко обнаружить контуры созвездий Большой Медведицы и Волопаса. Эти созвездия – единственные, которые Кристиан в состоянии различить на звездном небе. Наверняка обнаружили бы и другие, знает он звездный атлас получше.

До сих пор эта проблема несколько не волновала его, но теперь...

Теперь Кристиану кажется, что его астрономическое невежество мешает ухватить что-то очень важное. Какое-то послание, адресованное летательному аппарату.

Женских следов на берегу нет. Мужских, впрочем, тоже. Как будто взрослые оставили маленького ребенка и беззащитных животных.

Ушли или уплыли в неизвестном направлении – и так и не вернулись. И у них должны были быть веские причины, чтобы не вернуться. Так, во всяком случае, понимает жизнь Кристиан (не лживая гусеница, а летательный аппарат): никто не вправе оставлять детей и животных в одиночестве. Без поддержки, без участия.

Впрочем, чуть поодаль – если приглядеться – заметны еще одни отпечатки на песке: самые неприятные из тех, что Кристиан когда-либо видел.

В этих четких оттисках подошв на первый взгляд нет ничего необычного. Кроме того, что они наполнены копошащейся субстанцией: слизни, кольчатые черви, морские блохи, мелкие обломки раковин-аммонитов, спутанные водоросли, тина с железной сердцевиной из крошечных медуз. И чем пристальнее Кристиан вглядывается в содержимое оттисков, тем быстрее их определения сменяют друг друга: *неприятный – отвратительный – тошнотворный...*

Так можно додуматься до того, что под вполне безобидными с практической точки зрения кольчатыми червями скрывается ад.

В отличие от множества других следов, эти два слежка с подошв – единственные. Кажется, что они появились из небытия да так и застыли, спешить им некуда.

Остается лишь запоздало испугаться за судьбу ребенка и домашних питомцев (вдруг они подходили к этой мерзости?) и тут же успокоить себя — нет, не подходили.

Будь на то воля летательного аппарата, он бы задержался здесь на подольше, чтобы проследить за драматическими событиями на пляже и защитить при случае всех тех, кто нуждается в защите, но... Странное видение, уложившееся в несколько секунд, заканчивается: перед Кристианом – все та же барная стойка и Даррен.

И фотография *Dasha* в руках, наконец-то Кристиан с ней воссоединился!..

– Заходи почаще, – говорит Даррен, даже не удосужившись пересчитать деньги, которые Кристиан бросил на прилавок. – Заходите оба. Я буду рад.

– Оба?

– Ну да, оба. Ты и твоя девушка.

– Непременно.

Из бара Кристиан выходит с мутным осадком на душе: не из-за вранья о *Dasha*, неожиданно оказавшегося тяжелым испытанием, – из-за пляжного видения. Избавиться от него не получается на протяжении последующих нескольких дней. Кристиану повсюду мерещатся черви и слизи; даже в самых безобидных местах – на манер пластикового стаканчика или картонной упаковки для гамбургеров. Разношерстные до состояния невесомости кроссовки тоже доставляют

массу хлопот: ни с того ни с сего они начинают натирать ноги. Боль неявная, но беспокоящая: как будто в обувь набился песок. Микроскопические осколки раковин-аммонитов.

Устав бороться со старыми кроссовками, Кристиан меняет их на еще более старые, еще более безотказные; эти, ныне заброшенные в дальний угол шкафа «найки», он носил пару лет не снимая – и ни одного нарекания не возникло.

Кристиан возлагает на старичков большие надежды, которым, впрочем, не суждено сбыться: неприятные ощущения не проходят.

Но и не усиливаются.

И если даже к этому можно привыкнуть, то к червям привыкнуть не получается. Как не получается выбросить из головы песчаную историю: она мучает Кристиана. Не сама по себе, а тем, что каким-то образом связана с *Dasha* и теми, кто окружает ее. Доведенный едва ли не до отчаяния, Кристиан пишет Шону письмо, состоящее из одной фразы:

«Все ли у вас в порядке?»

Ответ приходит гораздо быстрее, чем обычно, уже через несколько часов:

«Почему ты об этом спрашиваешь?»

Дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос! Если бы Шон ограничился коротким «у нас все замечательно, Лали подрастает, и животные чувствуют себя хорошо», Кристиану стало бы намного спокойнее. Только это и требовалось от Шона – написать о том, что Эдем не претерпел ни-

каких видимых изменений, что его границы незыблемы и никто не покушается на раз и навсегда заведенный порядок дня. Порядок заботы и нежности, порядок любви. Но Шон не сделал этого, вот стервец!.. Ответное письмо Кристиана намного длиннее: чтобы скрыть смущение, он разражается пространными комментариями о жизни в Камбодже – не самой удобной, не самой уютной стране. Все сведения выужены в Интернете и касаются тяжелого для европейцев климата, малярийных комаров, москитов, атакующих незащищенные участки кожи; воды (чудовищного качества), мусора, который вываливается прямо на улицы (Кристиан лично видел несколько десятков фотографий и может дать ссылку на все это безобразие). Отдельным абзацем следуют медицинские рекомендации: в некоторых случаях помогает такое проверенное средство, как хинин, употребляет ли семейство Шона хинин?..

И снова ответ приходит незамедлительно (*«Не будь дураком! ☺»*), и снова Кристиан не находит в нем того, чего так жаждал найти: успокоения.

Наверное, Кристиан повел себя неправильно; но не в письмах к Шону, а чуть раньше, когда оказался в роли летательного аппарата. Нужно было рассмотреть пляж повнимательнее, и не только пляж, а и море, и дюны, примыкающие к пляжу (разве там были дюны?). Нужно было провести аэрофотосъемку с возможностью последующего увеличения снимков – возможно, возникли бы новые детали. Но виде-

ние было слишком мимолетным, и надеяться на его повторение... 😊

Хотя почему бы и не понадеяться?

* * *

ТРИО

– *Магда, Магда, Магда... Как вы себя чувствуете, Магда?*

– А как может чувствовать себя человек, вляпавшийся в такую историю? Отвратительно. Проклинаю тот день, когда приехала сюда...

– *Да уж. Лучше бы вам было остаться дома. Быть может, тогда бы не произошло то, что произошло.*

– Вы о чем?

– *Об убийстве, леди, о чем же еще.*

– Вряд ли мое присутствие или отсутствие могло хоть как-то на него повлиять. Я никогда не знала эту женщину, я впервые увидела ее несколько дней назад. И... можно я не буду изображать скорбь по поводу смерти совершенно незнакомого мне человека?

– *Конечно. Вы даже можете выразить радость и удовлетворение. Ведь ваша соперница мертва.*

– Соперница? Не смешите.

– Разве ваш муж не рассказывал о покойной, когда впервые попал к вам на прием? Наверняка он был не в лучшем состоянии, ведь его бросила женщина, которую он любил...

– Ну да... Так я и знала...

– Знали, что он любил ее?

– Он не любил ее! Это было сродни болезни – тяжелой, хотя и не опасной для жизни. Слава богу, Тео выздоровел...

– Вы уверены?

– Как бы то ни было, вируса, который отравлял его кровь, больше нет.

– Я бы посоветовал вам следить за словами. Для вашего же блага. Здесь есть люди, которые слышали, как вы откровенно желали покойной смерти.

– Надеюсь, вы не думаете, что это я... совершила убийство?

– У вас был мотив.

– Не было у меня никакого мотива! Неприязнь была, глупо это отрицать. Но мотива не было.

– Знавал я дамочек, которые ни перед чем не останавливались, чтобы убрать соперниц! На куски их рубили, растворяли в кислоте, а потом невинно хлопали глазами, утверждая, что они здесь совершенно ни при чем.

– Если бы я даже что-то задумала... Бред, конечно, но допустим... Стала бы я озвучивать свои планы в присутствии других людей? Тем самым навлекая на себя ненужные подозрения? Я же не дура...

– Нет, Магда, вы не дура. И размышляете вполне здраво. Вам не откажешь в ясности ума. И почему только все здесь твердят мне о каком-то помрачении, которое настигло вас как раз накануне убийства? А?

– Мне бы не хотелось это обсуждать...

– Придется. Также вам придется объяснить, что вы делали в кустах рядом с местом преступления. Где, собственно, вас и обнаружили. И мне хотелось бы, чтобы это объяснение было исчерпывающим.

– Я не помню, как оказалась там. Это исчерпывающий ответ?

– Ровно настолько, чтобы защелкнуть наручники на ваших запястьях. Попробуйте еще раз?

– Боже мой... С самого начала все пошло ужасно. С первой минуты в этом доме мне хотелось покинуть его.

– Из-за бывшей пассии вашего мужа?

– Не только и не столько... С этим я бы еще могла справиться... Сам дом угнетал меня... Вы же видели весь этот антураж. Этих каменных истуканов, эти деревянные фигуры с раскрытыми ртами... Того и гляди всосут тебя, если не будешь осторожен. И знаете что? Они ведь меняют свое местоположение...

– Кто?

– Истуканы. И выражение лиц меняют тоже. Я наблюдала это каждый день.

– Вы преувеличиваете.

– Нисколько. Стоит лишь приблизиться к ним, как сразу начинаешь чувствовать: что-то не так. Возникает шум в ушах, какие-то неясные голоса...

– *Голоса?*

– Да. Я старалась не прислушиваться к ним, но... Они слишком навязчивы. Неприятны. Как насекомое, заползшее в ухо.

– *И что же нашептывали вам эти голоса? Убить хозяйку каменных истуканов?*

– Опять вы за свое! Они были неясными, эти голоса. Какое-то странное сочетание звуков. Ужас и тоска – вот что они вселяли. Я говорила об этом Тео. Но он посоветовал мне унять воображение.

– *А кому-нибудь другому вы говорили?*

– Не помню. Может быть. Все эти дни я была как в тумане.

– *От алкогольных паров?*

– Тео не хотел мне помочь. Он был глух к моим страданиям. Я не виню его... И все же... Он вел себя как последняя сволочь. Единственной, кто проявил участие, была эта забавная французская мадам, исследовательница пустынь. Кажется, на второй день нашего здесь пребывания она сказала, что я выгляжу неважно. А как можно выглядеть по-другому, если просыпаешься в одной постели с дохлятиной?

– *Вы имеете в виду мужа?*

– Я имею в виду мертвых рептилий. Ящериц. Я обнаружила их, сунув руку под подушку. Омерзительное ощущение.

ние. Теперь оказывается, что этот фокус проделала маленькая вонючка. Хозяйская дочь. Она третировала меня...

– Почему?

– Откуда же мне знать почему? Она достойная дочь своей матери. Здесь всё достойно хозяйки. Всё и все. Африканское кладбище и вся эта живность, кошки, собака... Вы ведь сами видели, что устроила здесь одна из кошек...

– *Зато собака никому больше не угрожает. Вы всегда носите мужские рубашки?*

– Нет, конечно.

– *По-моему, в них жарковато. И они... как-то не по размеру.*

– Они легкие и удобные, других Тео не признает. Весь мой запас чистых футболок неожиданно подошел к концу... Зато Тео прихватил сюда целый гардероб.

– *Может, этихдохлыхящерицдевчонкаподбросилаему, а не вам? Может, ей не нравилось, что какой-то чужой дядька волочитя за ее матью?*

– Может, но ящерицы валялись у меня под подушкой. Француженка посоветовала отнестись ко всему философски. Сказала, что это стихийное бедствие нужно просто пережить. И я была согласна пережить... и суку-хозяйку, и выходки ее дочери, и надменную физиономию ее сына, и... черт с ними... даже этих африканских уродов. Но по отдельности. А всех вместе... Это было чересчур. Особенно выкопанная из могил деревянная и каменная нечисть.

– *Никому, кроме вас, она не досаждала? Никто больше не слышал голосов?*

– Я не знаю. Тот молодой парень, приятель мужа хозяйки... он тоже выглядел подавленным. Он как будто все время к чему-то прислушивался.

– *Вы говорили с ним об этом?*

– Лишь однажды. До этого я с ним и парой слов не перекинулась, так – махали друг другу рукой издали, улыбались при встрече: на кухне, в саду или за обеденным столом. Но вчера утром, когда я относила в стирку грязные вещи... в тот маленький домик, где стоят стиральные машинки... я увидела его. Он сидел в углу, на корточках, положив голову на колени. Я окликнула его, и он испугался. И глаза у него были несчастные. Он сказал, что дом его напрягает. Что он не может находиться там долго.

– *И это все?*

– Мы немного поговорили об Африке, куда бы не хотели попасть ни он, ни я. На этом все и закончилось. Ужасно чувствовать себя никому не нужным персонажем, чье присутствие только терпят.

– *Отчего же вы не уехали?*

– Тео было не вытащить отсюда.

– *Поэтому вы скандалили и напивались?*

– Тео было наплевать. Ему было наплевать на нашу поездку в Англию, а ведь там его ждали на презентации книги. Вместо этого он примчался сюда. За какие-то несколько

дней он все забыл. Для него существовала только эта ведьма.

– *А вы не преувеличиваете?*

– В том, что она ведьма? Нисколько. Она управляет здесь всем – людьми, вещами и животными.

– *Собакой и двумя кошками?*

– Это не единственные кошки. Есть еще одна.

– *Я видел только двух.*

– Все видели двух. Кроме меня. И, возможно, этого парня.

– *А вы не заинтересовались у хозяйки, что это за третья кошка ошивалась здесь? Это же легко проверить.*

– У меня не было желания разговаривать с ней. Ненавижу фальшивое радушие и показную доброжелательность. И абсолютно холодные и мертвые глаза в комплекте с доброжелательностью. Ей вроде бы все равно, как реагируют на нее остальные, но стоит только хоть кому-нибудь отвлечься... на другого человека или что-нибудь менее существенное... она тут как тут. И глаза сразу оживляются... Две раскаленные кочерги, вот что такое ее глаза! Так и норовят ткнуть тебя и прожечь кожу до кости. Оставить рубец на долгую память.

– *То есть если бы покойная была... скажем, предметом... она была бы раскаленной кочергой?*

– Почему? Вы невнимательно слушаете. Я говорила всего лишь о ее глазах. У вас странный метод ведения допроса.

– *А у вас богатое воображение. От природы? Или развилось само, в процессе употребления горячительных напитков? Или это были не только напитки?*

– Что вы имеете в виду?

– *Вы знаете, о чем я. В этой тихой заводи полно юных натуралистов, шпионящих друг за другом. Все что-то видели, слышали и случайно находили.*

– Быть может, общими усилиями им удастся найти и убийцу?

– *Не исключено. Вы ведь не присутствовали на фейерверке в саду?*

– Нет. Я почувствовала себя неважно и осталась в доме.

– *Который вы так ненавидите?*

– Ну хорошо... Я расскажу вам, как было дело. Я расскажу вам то, что помню. А помню я не так уж много – все из-за виски. Когда эта престарелая француженка утешала меня и советовала отнестись ко всему философски, мы пропустили с ней по стаканчику. После виски мне немного полегчало, чувство тревоги стало не таким острым. Конечно, злость на Тео никуда не делась, и я решила повторить алкогольный опыт.

– *Вдвоем с француженкой или сами?*

– Кое-кто к тому времени уже пристроился к столам с выпивкой, так что это не было похоже на «надираться в одиночестве».

– *Когда же вам полегчало окончательно?*

– Когда я высказала вслух все, что думаю об этой стерве. Мне сразу стало лучше. Намного, намного лучше. Мы еще поболтали с русской, а потом я отправилась в дом, за виски.

– *Решили выпить еще?*

– Решила избавиться от остатков дурного настроения. И от этой напыщенной свиты уродов заодно. Мне никого не хотелось видеть. Даже Тео. Мне хотелось заснуть и...

– *Не проснуться?*

– Проснуться в другом месте. Жаль, что это было невозможно.

– *Но попытаться стоило?*

– Мое пребывание здесь и так сплошные попытки. Принять ситуацию, обуздать ситуацию, пустить ситуацию на самотек... Вот и тогда я попыталась прорваться на кухню, к хозяйскому бару, но кухня уже была оккупирована ведьминым муженьком и его приятелем. Первый жаловался на жизнь, второй пытался его успокоить.

– *Жаловался на жизнь?*

– Он был в бессильной ярости. Оказывается, ведьма и его скрутила. Лишила воли и самостоятельности. Единственное, что ему оставалось, – проклинать собравшееся здесь светское общество.

– *Так уж и проклинать?*

– Это был всплеск неконтролируемой ревности ко всем. Даже своего приятеля он обвинил в тайных симпатиях к ведьме. Неприятный жалкий разговор жалких людишек.

– *Но вы его с удовольствием подслушали?*

– Без всякого удовольствия. И... я не подслушивала. Меня хватило ровно на минуту, а потом я отправилась в холл

на первом этаже.

– *К каменным истуканам, которых вы так ненавидите?*

– М-мм... Мне показалось, что я видела там несколько бутылок... Где-то в доме, помимо кухни, был целый арсенал бутылок...

– *И как? Арсенал обнаружился?*

– Обнаружился старший сын этой суки-хозяйки. Он стоял у мерзкой зулусской лодки... той, что служит здесь журнальным столиком. И вертел в руках сверток.

– *Сверток?*

– Скорее это была какая-то коробка в подарочной упаковке. Перевязанная лентой. Мы улыбнулись друг другу, а потом я вспомнила, что видела спиртное на террасе второго этажа. В общем, туда я и направилась.

– *И оставались там?*

– Да. Какое-то время... А потом я услышала шаги на лестнице. Как если бы кто-то тихонько поднимался и этот кто-то... был не один.

– *Не один?*

– Не один, не двое, не трое...

– *Целая команда? Делегация врачей без границ?*

– Мне трудно объяснить. Шаги двоились. Человек и эхо его шагов. Но это оказался вовсе не человек.

– *Кто же?*

– Кот.

– *Тот самый? Третий в списке, которого никто не видел,*

кроме вас?

– Он был огромным. Ужасным. И он приближался ко мне.

– *Понятно. Сколько вы выпили до того, как он появился?*

– Это не имеет никакого значения...

– *Сдается мне, что как раз имеет. Он намеревался напасть на вас?*

– Он намеревался убить меня.

– *Бедная Магда... Как же вы спаслись?*

– А как обычно спасаются? Бегством. Это-то как раз я помню слабо, все было как в кошмарном сне.

– *Или как в наркотическом бреду?*

– Все было как в кошмарном сне... Я пыталась спастись от этого чудовища, я хотела вернуться туда, где есть люди... для этого нужно было всего лишь добраться до лестницы. Но она не приближалась ни на сантиметр, какие бы усилия я ни совершала. Она так и оставалась недоступной.

– *А кот?*

– Он дышал мне в спину.

– *Мог напасть, но не напал?*

– Его логика ускользала от меня так же, как и лестница, куда я так хотела попасть. Это был бег по кругу или бег на месте... Как в кошмаре. Вам снятся кошмары?

– *Нет. Совесть моя чиста, оттого и сплю я без сновидений. Чем закончились эти игры в кошки-мышки?*

– В какой-то момент на меня обрушилась чернота. А потом... Потом я пришла в себя... Почему-то – в этой самой

комнате, где мы находимся сейчас. Хотя я не помню сам момент проникновения... Нет, не помню. И... здесь была русская девчонка, которая появилась вместе с типом в Бриони. Она и привела меня в чувство окончательно.

– *Вот как? Она проявила к вам особенное участие?*

– Это было просто участие.

– *Русская была подругой покойной?*

– Я не знаю, чьей подругой она была. Может быть, того типа в Бриони. Мне ничего не известно о ней. Неизвестно даже больше, чем обо всех остальных. Кажется, она добрый человек. Она, во всяком случае, выслушала меня. Я попросила ее сходить за Тео, и она согласилась.

– *Привела к вам мужа?*

– Он пришел один. Он все-таки пришел. И снова я умоляла его уехать. Но он сказал, что это было бы невежливо, что побег с праздника невозможен. Мы... поссорились. Он ушел, а я осталась в своей комнате. Кажется, даже заснула, ведь этот проклятый кот вымотал меня, полностью лишил сил.

– *На этот раз кошмары вам не снились?*

– Ничего не снилось. Как и вам. Что вы видите, когда просыпаетесь?

– *Потолок и лампу с вентилятором, если лежу на спине. Окно, часы и телефон, если лежу на боку. А вы снова увиделидохлых ящериц?*

– Нет.

– Кота?

– Я увидела Тео.

– Ну да, вашего мужа. Об этом я как-то не подумал...

– А я подумала, что вечеринка наверняка закончилась. И что сейчас глубокая ночь, потому что в комнате было темно. А потом... потом я подумала, что с Тео что-то не так.

– Что именно?

– Его тело... Его как будто подменили... Так мне показалось в темноте. Он лежал рядом, и прикоснуться к нему не составило бы труда. Я и прикоснулась...

– И?..

– Эффект был такой, как если бы я прикоснулась к дереву или камню. Как если бы рядом оказался истукан, перебравшийся сюда с первого этажа. И он не дышал. И я подумала о скульптурах – вдруг это живые люди? А ведьма околдовала их, и они покрылись корой, окаменели. Знаете, как бывает в сказках? Подобного ужаса я не испытывала никогда...

– Успокойтесь, Магда. Ваш муж жив и здоров. Вы и сами это знаете.

– Да. Да... Но тогда, ночью, я испугалась... Ведь он не дышал. Я закричала, бросилась вон из комнаты... Я хотела найти хоть кого-нибудь, позвать на помощь, но дом как будто вымер.

– Странно. Вам бы даже не пришлось ломиться в закрытые двери, чтобы кого-то отыскать. Как минимум два человека постоянно были под рукой.

– Я понимаю, это звучит дико... И вы вправе не поверить мне... Вы вправе посчитать меня сумасшедшей... Но я не смогла приблизиться ни к одной двери – так же, как накануне вечером. И я уже не понимала, явь ли это или продолжение кошмара.

– Но до лестницы вы все же добрались?

– Да.

– Спустились вниз? Это всего лишь два пролета. Смелее, Магда.

– Да.

– И снова не обнаружили никого, кто мог бы вам помочь?

– Я обнаружила... кота. Это опять был он, я узнала его по глазам. Желтые глаза, висящие в темноте. Он поджидал меня.

– Так-так. Вы, должно быть, закричали? Люди всегда невольно вскрикивают, когда сталкиваются с чем-то ужасным.

– Наверное, я закричала. Да. Больше я ничего не помню.

– Удивительно, что никто не слышал вашего крика. Вообще какого-либо крика. И почему только люди глохнут в самый неподходящий момент? Вы можете объяснить это? Как профессиональный психолог? Вы ведь профессиональный психолог?

– Вы не верите мне. Я знала, что так и будет. Не стоило и начинать весь этот разговор.

– Стоило всего лишь сказать правду, а не придумывать

сказки. Даже если бы вы честно признались в том, что просто нажрались таблеток и залакировали все это алкоголем, – я поверил бы вам больше. Как вы вышли из дома? Как оказались на улице?

– Я не помню...

– Почему вы были перепачканы землей?

– Я не помню...

– Это вы убили хозяйку?

– Я не помню... Нет! Я не убивала, нет!.. Я сама едва не стала жертвой... Вы не понимаете. Она не просто женщина – она ведьма. Что она делала в Африке? Почему перевезла сюда всю эту мертвечину? Оставайтесь здесь на ночь – и вы все поймете... Я не удивлюсь, если дом убьет нас одного за другим.

– Пока убит только один человек, так что не будем бежать впереди поезда. И убит он совсем не дома. Взгляните-ка... Вам знакома эта вещь? Магда?.. Что с вами, Магда?..

* * *

...Состояние, в котором пребывает Кристиан, теперь можно охарактеризовать одним словом: *одержимость*. Вернее, это целый букет из разного рода одержимостей – нелепый, исполненный плохо сочетаемых фрагментов, странно пахнущий. Держать его в руке – неловко, выбросить – жалко,

ждать увядания – бессмысленно.

Букет одержимостей не вянет, напротив – становится все пышнее, отравляя сознание Кристиана навязчивым, отдающим восковой мертвечиной запахом: то ли лилий, то ли лотосов (оба цветка можно встретить в Камбодже).

Кристиан одержим мыслями о *Dasha*.

Кристиан одержим мыслями об опасности, которая может угрожать *Dasha*, – истинной или мнимой, не важно. Важно, что она смертельна.

Кристиан одержим пляжным видением.

Кристиан одержим омерзительной биомассой, просочившейся в реальность прямиком из пляжного видения.

Кристиан одержим идеей его повторного возникновения.

Он возлагает большие надежды на сны (что есть сон как не интерпретация подсознательных страхов, фобий и грез?) – но раз за разом его надежды не оправдываются. Вместо искомого и такого желанного ландшафта и даже вместо привычных формул в его снах фигурирует черная школьная доска. Доска преследует Кристиана из ночи в ночь и поначалу кажется всего лишь пустотой, черной дырой, наказанием за дневное безрассудство.

За посягательство на чужую жену, за жалкое детское вранье.

Ведь по вечерам – а иногда и днем – Кристиан продолжает врать. Теперь он экипирован намного лучше, чем при лобовом столкновении с Дарреном (спортбар хитрого негодяя

Даррена Кристиан обходит десятой дорогой). Теперь в его арсенале – истории про Россию, истории про Москву, чей фундамент покоится на вечной мерзлоте, – все они выужены на форумах, посвященных путешествиям. Несколько русских слов и целых фраз, худо-бедно переведенных при помощи онлайн-переводчика. Кристиан больше не позиционирует себя гениальным джазменом, он вообще старается не упоминать о саксофоне – он тот, кем является на самом деле: курьер небольшого non-fiction издательства, на случай, если его спросят о профессии.

Но обычно не спрашивают.

О Москве и о России не спрашивают тоже. Вяло интересуются *лишь Dasha* («действительно, красавица, хотя мой идеал – Анджелина Джоли»). Оживление наступает только в конце беседы (обычно короткой) – когда Кристиан предлагает заплатить за выпитое собеседником спиртное из своего кармана. В благодарность собеседник задерживается подле Кристиана еще на пять-семь минут – тогда и наступает звездный час Кристиановой лжи, ее кульминация.

В эти пять-семь минут случайный знакомый, чей рот плотно заткнут кляпом благодарности, выслушивает историю любви Кристиана и *Dasha*, где фигурируют экзотические страны Гана и Камбоджа (причем Гана – в прошедшем времени, а Камбоджа – в настоящем и, возможно, будущем). В ней имеются животные, собака и две кошки; стоит ли вводить в пасторальный сюжет Лали, Кристиан еще не решил.

Конечно, имеется соблазн представить малышку собственной дочерью, чтобы ввести бурный поток страсти к женщине в более спокойное русло привязанности к семье, но...

Это было бы уже чересчур.

Случайных знакомых Кристиан выбирает по наитию, заранее отметая слишком молодых людей (кто в юности станет слушать про чужую любовь, когда и от своей не знаешь куда деться?). К крепким одиноким мужчинам средних лет он тоже не подсаживается – из боязни быть неправильно понятым или нарваться на агрессию: у одиноких мужчин средних лет, как правило, сложные отношения с женщинами. Остаются сентиментальные старики обоих полов и скучающие дамочки около сорока. Достаточно невыразительные, а порой и откровенно некрасивые, чтобы привлечь внимание Кристиана на свой счет. То есть поначалу они так и думают – до того, как Кристиан оглушивает их заранее приготовленной фразой о своей жене.

Надо видеть, как загораются глаза этих дамочек: загораются и тут же гаснут, ведь им никогда не стать главными героинями, пусть и на один вечер, – главная героиня всегда *Dasha*. И нужно отдать должное дамочкам – они умеют держать удар. После секундного отчаяния они привычно берут себя в руки и цепляют на физиономию снисходительную, участливую улыбку. Поначалу не особенно искреннюю; искренней ее делает простодушное замечание Кристиана: «Вы очень похожи на мою жену, позвольте угостить вас?»

После того как согласие получено, Кристиан вынимает из бумажника фотографию и сует ее в нос дамочке. Ход почти беспроегрышный: неоспоримая красота *Dasha* выступает зеркалом, в котором занюханное, стертное существо должно увидеть себя в новом свете.

И оно видит.

Боковым зрением оно также видит самого Кристиана: милого молодого человека, забавного, с хорошими манерами, с обезоруживающей мягкой улыбкой. Героя романтической комедии или мелодрамы со счастливым концом. Полюбившего по сюжету женщину старше себя и сумевшего сделать ее счастливой.

Кристиан в состоянии проследить ход мыслей дамочек, ничего экстраординарного в нем нет: если уж повезло этой женщине и если эта женщина похожа на меня (ох уж эти зеркала!) – значит, когда-нибудь повезет и мне. Значит, и для меня найдется милый, забавный мужчина – с хорошими манерами, с обезоруживающей мягкой улыбкой.

Нужно только подождать.

«Нужно только подождать, и все сложится» – это утверждает и Кристиан, всем своим видом. Всей своей историей – с массой счастливых концов, со счастливыми – сытыми и ухоженными – животными, которые собрались жить вечно. И любовь Кристиана тоже будет жить вечно.

Да, дамочки – самый благодарный слушатель. После бесед с ними, после исповедей, в которых нет ни слова прав-

ды, кроме имени их главной героини, Кристиан испытывает легкое головокружение и покалывание в пальцах. Наверное, то же самое испытывал бы начинающий наперсточник, которому удалось сорвать куш на городском рынке – и остаться непойманным. Параллель с более серьезными преступлениями неуместна, ведь вранье Кристиана никому не приносит зла. Даже наоборот – оно дарит надежду тем, кто уже отчаялся и разуверился в себе.

«Вы потрясающая женщина, и все у вас будет хорошо, вот увидите», – именно этими словами Кристиан завершает все свои беседы, всегда.

Почти всегда.

За исключением одного-единственного случая в ничем не примечательном пабе, где он познакомился с Русской.

То есть это потом стало ясно, что собеседница – русская, а вначале все шло по накатанному сценарию: Кристиан привычно выцепил из толпы искомый объект – женщина за тридцать, одиноко сидящая за столиком в углу. Неброский макияж, джемпер глуховатых коричневых тонов и темно-рубиновая тяжелая шаль, небрежно наброшенная на плечи. Ни одной яркой, запоминающейся детали – ни в лице, ни в одежде, – как раз то, что нужно.

Именно так и подумал Кристиан, подсаживаясь к незнакомке с бокалом пива и фисташками, – и ошибся. Уже потом, сотни раз прокручивая в голове эту встречу, он пытался понять, в чем именно заключалась ошибка. Наверное, в

том, что он вообще подошел к проклятому столику, клюнув на невзрачный прикид и некоторое число пустых рюмок. Не слишком большое, чтобы считать сидящую за столиком на-лакавшейся вдрызг алкоголичкой. Но и не маленькое. В самый раз для женщины, которая переживает кризис среднего возраста. Или утрату возлюбленного. Или то и другое вместе.

Рюмок было четыре.

– Вы позволите? – спросил Кристиан.

Женщина откликнулась не сразу. Она окинула Кристиана цепким трезвым взглядом, не очень-то вяжущимся с выпитыми рюмками.

– Смотря что, – произнесла она, когда осмотр был закончен.

Странный акцент. Очень сильный, но обаятельный. Как будто каждое из произнесенных слов завернуто в обертку из плотной бумаги и перевязано ленточкой. Вечная история о том, как копеечная, купленная в китайском супермаркете безделица путем нехитрых манипуляций становится самым настоящим рождественским подарком.

– Для начала – угостить вас, – немного смутившись, промямлил Кристиан.

– А потом?

– Потом? Э-э-э...

– Впрочем, какая разница, что будет потом. – Женщина откинулась на спинку стула и улыбнулась улыбкой, подхо-

дядей под определение «брезгливая». – Валяйте, угощайте. Только пиво я не пью.

– Виски?

– Водку. Я пью водку.

Ну да, водка.

Маленькие рюмки – водочные, он должен был понять сразу. Будь они повыше и поуже, с остатками соли по краям – сошли бы за рюмки для текилы.

– Грустите? – осторожно поинтересовался Кристиан, когда водка была принесена.

– Умираю от тоски. – Женщина постучала по рюмке кончиками пальцев, но пить не стала. – У вас тоскливая страна.

– А ваша собственная? Не такая... тоскливая?

– Моя? Тоже тоскливая.

Самое время взяться за сказочку о *Dasha*, с развеселыми Ганой и Камбоджей в анамнезе, самое время!.. Но Кристиан почему-то медлил. Теперь и незнакомка казалась ему подарком, завернутым в плотную бумагу и перевязанным ленточкой – темно-рубиновой, под цвет шали. А подарки, как известно, бывают всякими, иногда – неприятными. Как бомба с часовым механизмом, закамуфлированная под детскую игрушку.

– Как тебя зовут?

– Шон, – неожиданно для самого себя выпалил Кристиан. И надолго замолчал.

Никогда раньше он не вводил Шона в повествование, он

был тем, кем был, – Кристианом. Джазменом (почти правда, учитывая затяжные позиционные войны с саксофоном). Курьером (чистая, дистиллированная правда, без всяких примесей). Хорошим парнем (еще одна правда, сродни курьерской). Тогда при чем здесь Шон?

Шон – муж *Dasha*, вот при чем!..

– Значит, Шон. И чем ты занимаешься, Шон?

– Я... фотограф. Да. Фотограф. Еще немного оператор, но больше фотограф.

– Надеюсь, ты не станешь предлагать мне посетить твою фотостудию?

– Нет...

– И не станешь лепить, что я потрясающе фотогенична?

– Ну... – Кристиан почувствовал себя загнанным в ловушку. Сказать правду, сказать, что фотогеничностью от незнакомки даже не пахнет, означало бы поставить крест на цели, ради которой и была затеяна все беседа.

Ведь фразу «Вы очень похожи на мою жену» после констатации нефотогеничности уже никуда не воткнешь.

– Промолчал – и на там спасибо, – заметила незнакомка. – Кстати, меня зовут Анна. Все принимают меня за немку. Иногда – за чешку. А ты что скажешь?

– Я не знаю. Но вы и не шведка.

– Не шведка, да. Почему ты решил, что я не шведка?

– Шведки похожи на хоккеистов...

– А ты знаком со всеми шведками?

– Только с некоторыми.

– А я? На кого похожа я?

Здесь бы Кристиану и пришили темно-рубиновую шаль эпохальным «Вы очень похожи на мою жену». Самое логичное, самое безупречное продолжение, плывущее прямо в руки – без всяких усилий, без всяких натяжек. *Ну, давай же, не будь остолопом, что ты медлишь?..*

– В сборную по хоккею вас бы не взяли, – после небольшой паузы дипломатично ответил Кристиан.

– Я туда и не стремлюсь, но это не ответ.

– Хорошо. Вы похожи на... детскую игрушку.

– Только не говори, что на Барби. Иначе меня стошнит.

– Нет-нет... Просто на игрушку. С бомбой внутри. Знаете, такая маленькая бомба внутри. Маленькая, но мощная. С часовым механизмом. Обычное дело в практике террористов.

– Ты забавный. – Впервые женщина посмотрела на Кристиана с неподдельным интересом. – Значит, игрушка. Игрушка для мальчиков или для девочек?

– Это имеет значение?

– Определенно да.

– Я не знаю... Может быть, та, что нравится мальчикам и девочкам одинаково.

– Очень, очень забавный... Мальчикам и девочкам нравятся плюшевые медведи. Но я бы предпочла зайца... Мне нравятся зайцы.

– С очень длинными ушами. – Кристиану неожиданно стало весело. – А еще подойдут волчки, калейдоскопы и лото...

– А вот и нет! Как можно засунуть бомбу в лото? Остановимся на зайце.

– Пусть будет заяц, если уж вы питаете к нему такую любовь...

– Расскажи о себе, Шон.

Именно в этот момент Кристиан впервые испугался. По-настоящему. И его страх не имел ничего общего со страхом перед Дарреном, мелким и несерьезным. Вернее, тогда речь шла всего лишь о боязни разоблачения. И о неловкости, которая может последовать за разоблачением.

Но здесь...

Кристиан неожиданно почувствовал себя стоящим в коридоре какого-то подземелья – таком узком, что плечи почти касаются стен. Только на первый взгляд гладких, но стоит пошевелиться, сделать шаг вперед, к спасительному выходу, как из них тотчас выскочат ножи, тесаки и колья. Единственная их цель – искромсать плоть, не оставить на ней живого места. Наверное, это уже случалось с теми, кто попадал в адский коридор до Кристиана: под ногами хлопает жижа красного цвета.

Темно-рубинового, если быть совсем точным.

– ...Да нечего особенно рассказывать...

– Вот как? У тебя нет ни одной истории?

– Ни одной стóбящей.

– Но при этом ты подсаживаешься к незнакомой женщине в баре. Угощаешь ее водкой...

– А что в этом особенного? Вы мне понравились. Вы выглядели грустной...

– И ты решил меня развлечь?

– Ну...

– Не имея ни одной стоящей истории про запас?

В логике Анне не откажешь, и это нисколько не приближает Кристиана к выходу из подземелья. Скорее отдаляет.

– Ты действительно забавный парень, Шон. Ты милый, но у тебя неверная установка.

– У меня нет никакой установки.

– Но есть проблемы, ведь так?

Не очень-то она похожа на психоаналитика, эта странная женщина Анна. И не такая простушка, какой показалась Кристиану на первый взгляд. И его выводы относительно внешней непривлекательности Анны оказались ошибочными. Нет, ее по-прежнему не назовешь красавицей, но в ней есть что-то совсем другое. Что-то, что дороже красоты. Человеческая значительность, что ли? До сих пор Кристиану не приходилось встречать таких женщин, таких людей. Представить ее в роли богини (Белой Тары) не составило бы труда. Или в роли основательницы тоталитарной секты, чьи последователи с восторгом вырубают непроходимые джунгли, чтобы построить храм в ее честь. Или в роли игрушечного зайца с длинными ушами, внутри которого спрятана бомба.

Не стоило Кристиану протягивать руки к зайцу, но дело сделано.

– ...Проблемы с девушками, – не унимается Анна. – Я права?

– С чего вы взяли? У меня нет проблем с девушками.

– А я думаю, что есть. Иначе бы ты не подсел к одинокой малопривлекательной женщине, которая старше тебя.

– Я не считаю вас малопривлекательной...

– Я тоже так не считаю. – Быстрая улыбка на лице Анны полна иронии. – Но речь сейчас идет о тебе. Я хорошо знаю мужчин такого сорта, как ты, поверь.

– И что же это за сорт?

– Миляги. Добряки, не совершившие в жизни ни одного дурного поступка...

– Никогда бы не подумал, что не совершать дурных вещей – преступление. – В душе Кристиана неожиданно начинает закипать злость на всезнайку Анну.

– ...ни одного дурного поступка. Но и хорошего тоже. Потому что они вообще не совершают поступков. Любой поступок требует усилий, а как раз на это они и не способны. Так и бредут по жизни – с атрофированными мышцами. Атрофированной душой.

Больше всего Кристиану хочется уйти (уже сейчас Анна стоит десятка Дарренов, и это не предел), но он продолжает сидеть; видимо, его мышцы и впрямь атрофировались. И продолжают терять эластичность – прямо на глазах.

– Хочешь уйти? – Анна подмигивает Кристиану и залпом опрокидывает рюмку. – Я не держу тебя...

– Я обещал заплатить за вашу водку.

– Это можно сделать и у стойки.

– И все же я останусь. Если вы не возражаете.

– Хочешь еще что-нибудь услышать о себе? Или о женщинах? Тебя ведь интересуется именно это – женщины. Тебе бы хотелось понять их. Но разбираться самому долго и иногда опасно. Гораздо удобнее получить интересующие тебя сведения со стороны. От таких, как я. Одиноко сидящих в баре. Всегда готовых поболтать с милым мальчиком. О жизни, о любви, о... О чем еще болтают мужчина и женщина?

– Об одиночестве?

– Об одиночестве и зайцах с длинными ушами. Женщины очень похожи на этих зайцев: у каждой внутри спрятана та самая штуковина... С часовым механизмом. Это первое, что ты должен усвоить. Правда, срабатывает она не всегда.

– Это второе, что я должен усвоить?

– Да.

– А... в каких случаях она срабатывает?

– Вот этого я не скажу. Не стану облегчать тебе жизнь.

Она блефует, вот стерва!.. Хочет казаться умнее, чем есть на самом деле. Распускает перья перед Кристианом. Окажись с ней рядом какой-нибудь другой мужчина, не такой наивный, не такой покладистый, совершивший пару-тройку дурных поступков и нисколько в этом не раскаивающийся...

Окажись с ней рядом кто-нибудь из великих черных джазменов или даже Пол Скоулз, легендарный полузащитник, – разговор получился бы совсем иным.

Если бы они вообще захотели с ней разговаривать.

Но и у Кристиана кое-что имеется, и в свете этого «кое-что» узкий тоннель в подземелье оборачивается совсем другой стороной. Это не Кристиана заманили в ловушку – она придумана им самим, вот такая, с жижей под ногами, со стенами, которые кажутся гладкими лишь на первый взгляд. И светлое пятно впереди – вовсе не выход, а вход.

Кристиан поджидает жертву у входа. Жертвы всегда случайны, и на этот раз ему попалась темно-рубиновая шаль. Потом, когда все будет закончено, Кристиан сможет, если захочет, снять со стен пару ниток и унести с собой в качестве трофея. Но для начала нужно дождаться, пока жертва будет повержена. Исполосована выскочившими из стен орудиями смерти. Их острые края беспощадны, как острия ножей-серборезов. Интернет-ссылка на кошмарные в своей простоте и палаческой эффективности серборезы когда-то выбила Кристиана из колеи и долго не давала покоя, терзая воображение, – неужели сейчас удастся избавиться от них? Хотелось бы, вот только речь не о серборезах.

Совсем о другом – о фотографии *Dasha*.

Это ее края беспощадны. Палачески эффективны. Это они не оставят на теле жертвы ни одного живого места. Стоит только им показаться из стены (из портмоне Кристиана) –

и жертве останется жить не больше минуты.

Сравнение с *Dasha* убьет ее.

Но Кристиан не торопится. Напротив, заманивает Анну все дальше и дальше в подземелье: своим идиотическим простодушием и мнимой покорностью.

– ...Вообще-то я мечтаю стать джазовым музыкантом, – доверительно сообщил он. – Знаменитым саксофонистом. Я играю на саксофоне, да.

– И как?

– Что – как?

– Получается?

– Пока не очень. Совсем не получается. Но я стараюсь... – Впервые за вечер он сказал правду. Самую настоящую правду, гораздо более сокровенную, чем даже та, что его зовут Кристиан, что он работает курьером, что он был хорошим сыном и – до самого последнего времени – вполне надежным другом.

– Не думаю, что у тебя что-нибудь получится, – неожиданно заявила Анна.

«Стерва, – тоскливо подумал Кристиан. – Вот стерва!...» Мало того что она блефует, так еще и играет не по правилам. По неписаным правилам великовозрастных дурнушек, в которых сказано, что дурнушка должна поддерживать мужчину в любом его начинании. *Быть лояльной* — только так можно рассчитывать на снисходительное мужское внимание. Лояльность и понимание изо всех сил – вот тот магический

кристалл... тот фильтр, густо замазанный вазелином: сквозь него мужчина начинает видеть дурнушку в ином свете. Почти красивой, ведь способность и готовность понять, поддержать и оправдать, если нужно, смягчает черты. И вносит существенные поправки в образ.

Кристиан не собирается выспрашивать у Анны, почему это она решила, что его мечта недостижима. Начать выспрашивать означало бы опосредованно признать правильность вывода. Он поступит иначе. Сделает то, что хотел; что давно нужно было сделать. И будет долго и с наслаждением смотреть, как под острыми краями фотографии *Dasha* расплзается не только малопривлекательная плоть Анны. Но и все ее теории относительно самого Кристиана.

– Странно, но моя жена думает по-другому.

– Жена? – Анна приподняла бровь. – Так ты женат?

– Уже несколько лет, и счастливо.

– Вот как?

– Да. И моя жена – самая прекрасная женщина на свете.

– Вот как?

Как в замедленной съемке, Кристиан вынул из портмоне фотографию *Dasha* и положил ее перед Анной. И за секунду до этого – едва лишь он сообщил о своем счастливом браке – за фасадом лица Анны ощущались какие-то неясные подвижки. Насмешливость сменило недоумение, недоумение – плохо скрытая досада; ей не хватило доли секунды, чтобы придать чертам относительное равновесие. Именно в этот

крошечный промежуток времени Кристиан и запихнул фотографию.

Эффект превзошел все ожидания.

Фасад рухнул, обдав Кристиана клубами несуществующей строительной пыли, и уже сквозь нее он увидел малоаппетитные внутренности дома по имени Анна. Отклеившиеся обои, отсыревшую штукатурку, обветшавшую мебель; хлам, который даже вещами назвать трудно. Неужели на Анну так подействовала красота другой женщины?.. Жалкая завистница, корчившая из себя царицу мира и всячески пытавшаяся унижить Кристиана, унижена сама.

Что ж, справедливое возмездие свершилось.

Но что-то мешает Кристиану сполна насладиться произведенным эффектом. Что-то подсказывает: не вовремя он воспользовался серборезом-фотокарточкой. И последствия его опрометчивого поступка могут быть самыми непредсказуемыми. А сюжет с подzemельем, где он уже почувствовал себя хозяином, снова оборачивается к нему своей темной и опасной стороной. Да и Анне удалось взять себя в руки, и лицо ее обрело именно те очертания, к которым Кристиан успел привыкнуть. Почти те же, последним успокоился ходящий ходуном рот. Но, прежде чем вытянуться в безмятежную линию, он успеваеt исторгнуть из себя:

– Не может быть...

– Вы о чем?

– Вот черт, это бред какой-то...

– Вы о чем? – Кристиан проявляет совершенно неуместную настойчивость.

– Да нет, все в порядке. Просто подумала. Значит, это твоя жена?

– Да.

– И давно... вы женаты?

Как давно женаты *Dasha* и настоящий Шон? Несколько лет, которых хватило на Гану, Камбоджу и появление Лали. И если Лали сейчас года три или около того... Ну да, в четыре-пять лет вполне можно уложиться...

– Около пяти лет.

– Не скучаешь в браке?

– С ней не соскучишься.

– Это верно. С ней точно не соскучишься. – В голосе Анны звучат странные нотки, совершенно непонятно, к чему их можно отнести. На всякий случай Кристиан решает отнести их к безусловной и неоспоримой красоте *Dasha*.

– Но дело не в том, что она не дает скучать. А в том, что она...

– ...прекрасна? – К Анне снова возвращается ее насмешливость, правда, теперь она выглядит несколько вымученной. И смотрится смешно – как пятилетняя девочка, нацепившая мамины туфли. Этого нельзя пропустить, и Кристиан позволяет себе снисходительную улыбку.

– Можно подобрать и другие слова, – говорит он. – Но это – самое точное.

– Она ведь не англичанка?

– Нет. Ни за что не угадаете...

– Почему же? Она русская.

Никто из прошлых собеседников Кристиана – всех этих грустных поблекших женщин, невинных старух и благообразных стариков – не проявлял такой проницательности. Но Кристиана это совсем не восхищает, напротив, он чувствует неприятное посасывание под ложечкой.

– Как вы догадались?

– Ничего удивительного. Я сама русская. Хотя меня принимают и за немку, и за чешку. И соотечественников я узнаю всегда.

Кристиан потрясен новым откровением Анны, и это потрясение так же неприятно, как и посасывание под ложечкой. Лучше бы Анна оставалась немкой. Или чешкой.

– Просто поразительно, – после непродолжительного молчания выдавливает из себя он.

– Просто сбивает с ног. Можно подобрать и другие слова. Но эти – самые точные. И где вы познакомились со своей русской?

– Вам вправду интересно?

– Очень.

Когда-то наскоро сочиненная для Даррена история про джазовые гастрели в Москве с Анной не пройдет. Если она русская, тотчас же поймает Кристиана на вранье. И это вранье подведет под монастырь всю историю с женитьбой. И вы-

ставит Кристиана дураком. Или вообще человеком настолько мелким и незначительным, что ничего по-настоящему интересного с ним произойти не может, остается лишь довольствоваться небылицами.

– Я встретил ее в Гане. В Африке. Я снимал там небольшой репортаж...

– А она?

– Она?.. Э-э-э...

Действительно, что русские забыли в Гане? То же, что и все остальные, – *ничего*. Представить себе человека, отправившегося в Африку не на сафари, для Кристиана затруднительно. А всякие селебретис и прочие посланцы доброй воли не в счет. Эти в любую дыру сунутся, лишь бы укрепить свою популярность. И усыновят кого ни попадя, лишь бы ослабить бремя налогов на свои нехилые миллионы.

– Скажем, она оказалась там по обстоятельствам личного характера. – Еще никогда Кристиан не подбирал слова так тщательно. – Это были не самые веселые обстоятельства, и о них мне не хотелось бы распространяться...

– Ну да, ну да... А потом вы вернулись сюда?

– Не совсем.

– «Не совсем» – это как?

– Мы переехали на другой континент. В Юго-Восточную Азию...

– Очень похоже на правду... – В голосе Анны слышится грусть, легкая сентиментальность. Это лежит на поверх-

ности, но ощущение такое, что где-то там, под толщей вод, скрыты и другие эмоции. И снова Кристиана охватывает со-
сущее чувство тревоги.

– Похоже на правду? Это и есть... правда.

– Не сомневаюсь. Русские вечно рефлексировать по поводу
родины, но если уж листок сорвался с ветки... Обрато он не
прилепится. Юго-Восточная Азия – это Гонконг? Тайвань?
Сингапур?

– Камбоджа.

– Никогда там не была.

Это известие – самое радостное за последние четверть ча-
са. При прочих равных Кристиан знает о Камбодже намно-
го больше, чем положено знать среднестатистическому евро-
пейцу. И здесь есть где разгуляться и при желании втюхать
странной русской множество сведений, выловленных в Сети.
Украстить рассказ эмоциями, которые (возможно) пережива-
ли *Dasha*, настоящий Шон, их дочь Лали и даже две кош-
ки-ориентала. В последнее время Кристиан так часто думал
о Камбодже, что влезть в шкуру живущих там не составит
особого труда.

– А между тем это очень интересная страна. Посетите при
случае.

– Не думаю, что он представится.

Теперь Кристиану кажется, что он полностью овладел си-
туацией и играет первую скрипку в разговоре. Играет роль
человека молодого, но уже успевшего посмотреть мир и со-

ставить о нем свое собственное мнение. И не только о мире – о жизни, о любви, о женщинах, ни капли не похожих на зайцев с длинными ушами. Женщины Кристиана, вернее, одна-единственная женщина больше похожа на волшебный лес с укрывшимися под его сенью сокровищами. Всеми, какие только можно представить.

– А мы полюбили эту страну. Мы с женой...

– Как ее зовут? Или я уже спрашивала об этом?

– Ее зовут Да-ша.

Кристиан намеренно разделяет короткое имя на две равные части, где ни одна не доминирует над другой. Пусть Анна услышит его именно так, как захочет сама. Как ее – русскому – уху будет привычнее.

– И что же было после Камбоджи?

– Ничего. Мы осели там, и думаю, что надолго. Здесь я по делам, связанным с работой. Но скоро возвращаюсь обратно.

– К ней?

– Да. Я очень скучаю... Но мне было приятно познакомиться с вами.

– Мне тоже. Вы даже представить себе не можете – насколько. А... можно где-нибудь посмотреть ваши репортажи?

Ну вот. Начинается. Та же фигня, что и с Дарреном. *Та же срань*, как сказала бы двоюродная сестра. У новоиспеченной лжи Кристиана такое же мягкое подбрюшье, что и у старой, когда он был не фотографом и немного оператором, а джаз-

меном-гастролером. Очень-очень мягкое подбрюшье, достаточно зубочистки, чтобы проткнуть его насквозь. Достаточно пластикового ножа, чтобы провести полостную операцию и извлечь осклизлый комок фантазий на тему женитьбы и путешествий по континентам.

Кажется, Шон что-то писал о своей работе. Вспомнить бы – что...

– Иногда они появляются на Би-би-си. Но не слишком часто. Я бы сказал – изредка. Камбоджа – не магистральное направление, как вы понимаете.

– Ты не очень-то амбициозен.

– Нет нужды, – выдыхает Кристиан, поняв, что Анна все не собирается дожимать тему с репортажами до упора и уже тем более – проводить полостную операцию. – Самая красивая женщина и так со мной.

– В таком случае я была бы осторожнее. Очень легко потерять то, что имеешь. И не факт, что то, что принадлежит тебе сегодня, будет принадлежать всегда.

Уж насчет этого Анна может не волноваться: *Dasha* никуда не денется, разве что Кристиан потеряет бумажник. Но он вовсе не собирается терять бумажник, не такой он человек!.. За всю жизнь у Кристиана и носового платка не пропало; ничего не было забыто в автобусе или кафе, носочные пары счастливо находят друг друга после стирки, и, обнаружив одну перчатку, можно с уверенностью сказать, что другая где-то рядом.

– Я и так предельно осторожен. И всегда держу пальцы скрещенными.

– Но сейчас ведь нет? – улыбается Анна.

Сейчас – точно нет. Сейчас Кристиан постукивает ладонью правой руки по бумажнику. А большим и указательным пальцем левой тербит мочку уха. Слишком много ненужных движений для уверенного в себе и абсолютно счастливого человека.

– Вы меня поймали.

– О нет! Если бы я действительно захотела это сделать, то...

– Что?

Снова это дурацкое посасывание под ложечкой. Да кто она такая – Анна? И почему Кристиан никак не может приспособиться к ней, и почему ее доброжелательность и легкая сентиментальность пугают больше, чем откровенные насмешки? Потому что они несвойственны ей в принципе – ни доброжелательность, ни сентиментальность. Это такая игра, она сродни игре Кристиана в обладание самой прекрасной женщиной на свете. Захочет Анна – и вытащит откуда-то из своих глубин сентиментальность, обернутую в плексиглас. А не захочет... Лицо – каких тысячи, если не вглядываться пристально. К тому же чуть тронутое следами увядания. Заретушировать их – плевое дело, но Анна не разменивается на плевые дела. Об этом можно догадаться, если решишься-таки вглядеться в Анну пристально. Под определенным, ли-

шенным сентиментальности углом. Тогда и проступят вещи, обычно спрятанные от посторонних глаз.

У Анны хорошо натренированные губы, хорошо натренированные веки, да и подбородок пребывает в отличной спортивной форме. Все вместе и каждый по отдельности они могут выразить любую эмоцию. Или – наоборот – скрыть эмоцию, подменить ее другой, в зависимости от обстоятельств. И губы, и веки, и подбородок кажутся Кристиану разведчиками, работающими под прикрытием в чужой, враждебной стране. Они никогда не расслабляются, хотя и могут выглядеть расслабленными. Они всегда держат в уме массу сверхзадач для данного конкретного момента. В случае с Кристианом Анна играет роль случайной посетительницы бара, у которой выдался свободный часок, или день, или ничем не заполненный год, – так почему бы не провести его в обществе милого молодого человека?.. Выпить за его счет, поболтать и расстаться навсегда, не утруждая себя воспоминаниями?

Да нет же, нет! – Анна и есть случайная посетительница. Случайная знакомая. Она могла бы и не называть своего имени – и ничего в течении их беседы не изменилось бы. Никаких новых истин, требующих копирайта и ссылок на первоисточник, она не открыла.

– ...Если бы я действительно захотела поймать тебя – ты не заметил бы этого. Или заметил бы позже, когда ничего уже нельзя изменить.

– Звучит как угроза. – Кристиан пытается улыбнуться. На-

верняка со стороны его улыбка выглядит жалкой и вымученной. Настоящий инвалид, в спарринг-партнеры губам Анны его собственные губы не годятся.

– Я бы назвала это предупреждением. Не стоит рассказывать о сокровенных вещах первому встречному. Ведь неизвестно, кто окажется рядом в следующий раз.

– А... кто может оказаться?

– Не так важно. Люди не очень доброжелательны в сути своей. Кто-то взглянет косо, кто-то позавидует, кто-то посмеется... А человеческое счастье – штука весьма зыбкая и чувствительная к внешним факторам. К постороннему вмешательству, пусть и опосредованному. Мне пора, Шон. Приятно было с тобой поболтать.

– И вам удачи.

– Это лишнее. Удача и так на моей стороне. Всегда. И сегодня тоже. Сегодня, пожалуй, даже больше, чем когда-либо.

– У вас был хороший день?

– Хороший день. И хороший вечер – благодаря тебе. Ты меня развлек. Ты помог мне увидеть перспективу. А это редко кому удается.

– Все у вас будет хорошо, Анна. Вот увидите!

– Даже не сомневаюсь в этом.

После ухода Анны Кристиан еще полчаса сидит в баре, тупо глядя на опустевший стул. И стараясь прогнать мысли – одну мрачнее другой. Несмотря на прощальное «ты помог мне увидеть перспективу», ему кажется, что он повел себя

неправильно. С самого начала. Или с того момента, как назвал себя Шоном. Или с того момента, как вынул фотографию. Решено: он прекращает все эксперименты по навязыванию окружающим своего липового счастья. Это нечестно – ни по отношению к *Dasha*, ни по отношению к его другу Шону, ни по отношению к самому себе. *Ничего страшного не случилось*, убеждает себя Кристиан. Никогда не поздно остановиться. Тем более что новая встреча с Анной исключена в принципе.

Он очень надеется, что Анна сделает то же самое, что намеревается сделать он: забыть об этом вечере. Забыть обо всех сказанных словах. Насчет Анны Кристиан даже не сомневается: в темно-рубиновой шали полно складок, в которых его дурацкий образ затеряется на веки вечные. Превратится в пыль. И если Анне придет в голову провести инспекцию складок – когда-нибудь, когда шаль в силу сезонных факторов отпадет за ненадобностью, – она просто сдует пыль, нимало не заморачиваясь ее происхождением.

Но прежде чем начать новую, кристально честную жизнь, нужно вытравить из сознания саму Анну. Жаль, конечно, что она назвала ему свое имя. Слишком универсальное, чтобы его не запомнить. Уложить в голове имя «Шон» тоже легче легкого. Достаточно вспомнить Шона Коннери, Джеймса Бонда на все времена. *Как же звали того парня? – как лучшего в киноистории агента 007.* Остается надеяться, что Анна не слишком любит фильмы про шпионов.

Пять пустых рюмок из-под водки все еще стоят перед Кристианом, назойливо напоминая: она все-таки была. Существовала в реальности. Сидела рядом. Все рюмки одинаковые – узкие и высокие, с толстым пятидюймовым дном, ну почти одинаковые. Кроме одной – в ней что-то лежит. Кусок фольги или мелкая монета. Или скрепка, из тех, что частенько являются Кристиану во сне.

Ни то, ни другое, ни третье.

Кольцо.

Не из тех, что дарят женщинам на обручение, ни капли не похожее на то, что не нашло свою хозяйку и теперь лежит у Кристиана в ожидании лучших времен. Вряд ли его можно купить и в ювелирном – оно старинное.

Достаточно выудить его из рюмки, чтобы понять это.

Узкий обод потускневшего серебра обрамляет монету не больше двух дюймов в диаметре. Номинала на монете нет – есть только миниатюрный мужской профиль. Стертый, но не настолько, чтобы совсем не разглядеть его. От профиля веет античностью, какой она всегда виделась Кристиану, – должно быть, и монета античная.

Кольцо явно самодельное, на нем нет даже пробы; но его создатель – будь он ювелир или просто ремесленник – хорошо знал свое дело. И соорудил не просто симпатичную штучковину, а вещь, от которой трудно оторваться. Во всяком случае, Кристиану не хочется выпускать кольцо из рук, он то и дело подносит безделушку к глазам, стараясь разгля-

деть во всех подробностях. Серебряная часть кольца иссечена мелкими царапинами, обратная сторона монеты подернута зеленцой: бронзу давно не чистили, если вообще чистили хоть когда-нибудь. В глазах Кристиана это несомненный плюс. Минус – кольцо не налезает ни на один палец, хотя пальцы Кристиана достаточно тонки. Попытка пристроить его к мизинцу тоже терпит крах, дальше первой фаланги дело не движется.

Ну конечно – это ведь женское кольцо!

Кольцо Анны.

Случайно соскользнувшее в водочную рюмку. Кристиан пытается вспомнить руки Анны (были ли на них еще какие-нибудь кольца или перстни), но оказывается, что ничего, кроме темно-рубиновой шали и джемпера глуховатых коричневатых тонов, он не запомнил. Как не запомнил в подробностях ее лица: *она не очень-то привлекательное*, вот и все. Так что же он думал о лице Анны в течение всего вечера? Оно попеременно было некрасивым, значительным, искаженным иронической гримасой, небрежным и... похожим на разведчика, работающего под прикрытием в чужой, враждебной стране. Целая шпионская сеть – вот каким привиделось ему это лицо!..

Ни одно действие разведчика не бывает случайным.

Выходит, что Анна оставила этот огрызок античности с умыслом? Чтобы именно он, Кристиан, подобрал его? Да нет, он ведь мог просто не заметить кольца! Подняться с ме-

ста и покинуть бар вместе с Анной или чуть позже. Никто не заставлял его заглядывать в пустые рюмки – а он взял и заглянул.

Как поступил бы порядочный человек в случае, если бы к нему попала ценная вещь? Уж точно не присвоил бы ее, а обратился (к примеру) к бармену. С просьбой вернуть эту вещь забывчивому клиенту, если пропажа будет обнаружена.

Но сонная физиономия бармена, колышущаяся над стойкой, не внушает Кристиану никакого доверия: прощельга еще тот, хуже Даррена, ничего святого, даже на футбольного болельщика он не похож.

Кристиан готов повесить на бармена еще дюжину собак, лишь бы скрыть абсолютно приземленное желание завладеть чудо-кольцом. Он уже забыл, что дал себе слово не вспоминать об Анне, а наличие кольца делает эту благую идею невозможной. Оно навеки останется «кольцом Анны». Мелкой деталью, завалившейся за косяк, отчего дверь в воспоминания всегда будет закрыта неплотно.

Ну и пусть, страдальчески морщась, уговаривает себя Кристиан, в конце концов воспоминание об Анне не самое дурное. Намного более симпатичное, чем память об импровизированной шведской «Тре Крунур». Не лишенное элегантности и ореола романтики. Жаль только, что носить его нельзя, но всегда можно найти выход. Распять и подогнать по размеру. Повесить на цепочку, наконец, – где-то у него валялась цепочка, подарок двоюродной сестры. Или цепочку

дарила мать за несколько лет до смерти? Отыскать бы ее, но даже если она не отыщется – не беда. Всегда можно купить что-нибудь недорогое и подходящее случаю.

Так он и сделает.

Если, конечно, Анна не вернется в течение... В течение ближайших пятнадцати минут, именно эта цифра вертится в голове Кристиана. Пятнадцать минут – тот максимум, который имеет смысл тратить на ожидание, когда ты не влюблен. При влюбленности верхнего временного предела не существует. И хорошо, что он не влюблен в Анну. А влюблен в женщину, чья эфемерность делает бессмысленным любое ожидание.

Жди он хоть всю жизнь или даже стань великим джазменом – фотографическая *Dasha* не кинется к нему в объятия.

Странное дело, Кристиан больше не чувствует горечи относительно этого прискорбного факта. Скорее наоборот – облегчение.

Пятнадцать минут прошло, Анна так и не вернулась за кольцом, а снаружи Кристиана поджидает дождь, который можно назвать отрезвляющим. Фотография в бумажнике уже не кажется ему средоточием всех чувств и приютом для неумехи-сердца. Теперь она будто уличает Кристиана в преступлении: как всегда – не особенно тяжком, но на этот раз – постыдном; единственный способ откреститься от него состоит в уничтожении улики.

Что Кристиан и делает, прядя домой. Он прячет свой

недавний фетиш в огромный пакет с фотографиями из категории «трэш муви». Слишком незначительными, чтобы занять место в семейном альбоме, *необязательными*. Летописи дурацких вечеринок, на которые Кристиана никогда не приглашали (как в этом случае он возник на снимках – загадка); репортажи с пикников, где роль Кристиана гораздо менее масштабна, чем роль штопора или пластиковой посуды. Видовые снимки сомнительных достопримечательностей; никому не известные интерьеры с никому не известными дальними родственниками. Давно выросшие дети, давно умершие старики и животные, есть даже потерянный снимок с концерта какой-то рок-группы. Изображение настолько смазано, что лиц участников не разглядеть. Надпись на обратной стороне гласит: **«05.07.1969. Rolling Stones»**. Под довольно сдержанной надписью обнаруживаются сердечки и едва различимый отпечаток губ.

«Роллинг стоунз», вот удивление так удивление! Кристиан не видел этого снимка раньше, должно быть, он принадлежал его покойной матери. Но в 1969 году она еще не была его матерью, а была пятнадцатилетней девчонкой, так что все шесть сердечек и оттиск поцелуя вполне оправданны. Странно, Кристиан и понятия не имел, что в юности его мать фанатела от «Роллингов», она всегда казалась ему спокойной, рассудительной и даже холодной женщиной. Если и так, то фотография многое объясняет: все ее сердца, какие только были, мать отдала «Роллингам», и Кристиану мало что до-

сталось.

Наверное, Dasha будет неудобно рядом с командой Мика Джаггера, рассуждает Кристиан в своем обычном идиотическом ключе. Не потому, что Мик Джаггер так уж плох, вовсе нет. Просто провести на рок-концерте вечность – не слишком заманчивая перспектива. А вот респектабельное, хотя и немного заброшенное побережье в районе Брайтона (в пакете обнаружилось и оно) вполне подойдет.

Оставив *Dasha* в Брайтоне, под присмотром Королевского павильона и в шаговой доступности от сувенирных и антикварных лавчонок, Кристиан закрывает пакет и успокаивается.

Наконец-то!

Все улики уничтожены, от любовной горячки и следа не осталось, и даже если в дверь с минуты на минуту позвонит Шон, Кристиан встретит его широко распахнутыми объятиями. Без мелкотравчатых низких тайн, небрежно заткнутых за пазуху. И не придется постоянно держать в поле зрения бумажник: как бы он не выпал в самый неподходящий момент – не выпал и не раскрылся, явив Шону и всему миру заодно вороватую душонку Кристиана.

Отныне *Dasha* будет только той, кем и является на самом деле: женой Шона. Достойной почтительного восхищения, без всяких примесей иных чувств явно психопатического характера.

Умиротворенный, Кристиан отправляется спать в надеж-

де не видеть никаких тревожащих снов. Зато другие сны, легкие и ясные, будут только приветствоваться. Но, вопреки ожиданиям, вопреки тому, что он снова стал простодушным, искренним парнем, Кристиан упирается во сне в черноту. В школьную доску – абсолютно мертвую, какой она и была все эти дни. Одна несчастная запись, или пара цифр, или хотя бы окружность могли прояснить предмет, но нет ни записей, ни цифр, ни окружности. И лишь на самом излете сна доска неожиданно оживает. Невидимый мел чертит по поверхности какие-то штрихи, они складываются в профиль. Профиль кажется Кристиану смутно знакомым, он уже видел где-то и этот нос, и линию губ: слишком нежную, чтобы принадлежать мужчине. Но и абсолютно женским профиль не назовешь, а мел между тем не думает останавливаться. Он набрасывает все новые и новые линии, полукружью и спирали. Из спиралей вырастают раковины, которые тоже знакомы Кристиану, но тут разночтений не возникает. Раковины – точная копия марочных раковин с присланной Шоном бандероли. Единственное различие: те раковины были нежно-зелеными, с вкраплениями перламутра. Совершенно безопасные. Эти же – черно-белые, они постоянно движутся, а их ошетилившиеся края становятся все острее. В считанные секунды поглотив профиль, раковины начинают поглощать сами себя. И в конечном итоге остается лишь одна, самая большая, идеально и во всех подробностях выписанная.

Почти объемная.

Именно в этой фазе сон Кристиана трансформируется в кошмар, а раковина, перестав быть раковиной, обретает черты гигантской винтовой лестницы без перил. Сопротивляться бесполезно, и вот уже Кристиан, влекомый неодолимой силой, скользит по ней вниз. На ходу пытаюсь сообразить, кем же он является в этом скольжении: песчинкой, микроорганизмом или – самим собой, тонущим в водовороте событий, которые происходили явно не с ним. Если вообще происходили.

Кристиан опускается ниже и ниже, напрямик в бездну, но, вопреки всем законам, движение не убыстряется, а замедляется. И теперь уже можно в подробностях увидеть то, что еще мгновение назад было всего лишь тенью, цветовым пятном, скоплением ярких точек. Первыми проступают корни и стволы деревьев, перепутанные между собой, – неперемнная часть интерьера затерянных в джунглях камбоджийских храмов. Сквозь древесную вяз Кристиан видит *Dasha*: прекраснейшая из женщин улыбается ему нежной улыбкой. И эта улыбка совсем не радует Кристиана. Наверное, из-за того, что губы, с которых она слетает, фисташкового цвета, и это не спишешь на губную помаду, а...

О господи!

Dasha укрыта темно-рубиновой шалью, никогда ей не принадлежавшей, – но это и не шаль, слишком она подвижна, слишком быстро меняет свою конфигурацию. Стекает вниз тонкими струями и отдельными каплями. Если понача-

ду за ними еще можно было разглядеть платье (светло-оливковое, как на одной из фотографий), то теперь не видно и его. Тело *Dasha* исчезает в красной пелене.

Фисташковые губы – мертвы.

Красное на светло-оливковом – кровь.

Кристиан даже не успевает ужаснуться этому факту: *Dasha* заслоняют от посторонних глаз гибкие и тонкие стволы. А потом в их просветах возникает Шон – точно такой, каким запомнил его Кристиан, ничуть не изменившийся. В их последнюю встречу на Шоне была рубашка поло с эмблемой Хенлейской королевской регаты – она и сейчас на нем. Разве что сама эмблема претерпела некоторые изменения, и это касается букв на вензеле. Вместо заглавной Н и зеркально отражающихся друг в друге R Кристиан видит совсем другое: две D и A. Буквы увеличиваются в размерах (их плоть уже неотличима от плоти деревьев), и Шон скрывается за ними, как и *Dasha*. Последнее, что видит Кристиан, – ветки, растущие прямиком из глазниц Шона.

После увиденного Кристиан готов к еще более неприятным и апокалиптическим картинам, но... Больше ни одной смерти (если это действительно были смерти) его кошмаром не запланировано. И последующие витки спирали сопровождают лишь предметы, никак между собой не связанные: фотоаппарат с длиннофокусным объективом, детские рисунки, фигурки неизвестных Кристиану божеств; части старинных каменных фризов, почти неотличимые по сюжетам и ис-

полнению от детских рисунков; блокноты, раскрытые посередине: они испещрены записями и столбцами зачеркнутых слов. Миниатюрная железная дорога – радость и вдохновение всех мальчиков во всех странах; смятые купюры, смятые жестяные банки из-под кока-колы и джина; целая гроздь часов разных модификаций: время, которое они показывают, тоже разное.

Венчает всю эту свалку нужных и не очень вещей собственный саксофон Кристиана. Необъезженный жеребец, третий по счету. Возможно, с двумя первыми Кристиан поступил не лучшим образом, зарыв их в землю, но ему бы и в голову не пришло причинить им боль.

Тело третьего саксофона вопиет о перенесенных пытках. Оно сплющено и помято, мундштук поврежден, часть клапанов вырвана с мясом: и этот оскал смерти – самый ужасающий.

Он и есть нижняя точка бездны, куда наконец-то приближает Кристиана.

Здесь тихо.

И в самый последний момент, когда барабанные перепонки уже готовы лопнуть от навалившейся тишины, возникают неясные шорохи. Вздохи, посвистывание, легкий шум, как будто дождевые капли ударяют в листву, – и даже голоса. Неясные вначале и похожие на детский лепет, они приближаются, хотя не становятся четче. Оттого и понять, о чем хотят сказать ему голоса, Кристиан не в состоянии. Лишь одно

он знает точно: хороших вестей голоса не несут.

Проснувшись в холодном поту, Кристиан еще долго лежит неподвижно, переживая недавний кошмар. И чем больше он думает о нем, тем яснее становится: кто-то там, наверху, по чьему ведомству проходит весь ночной *entertainment*, ошибся.

Это не его сон.

Сны Кристиана, какими бы они ни были, всегда упорядоченны. Стройны. Математически выверены. Делятся сами на себя без остатка. Конечно, и в них случаются такие казусы, как десятичные дроби, мантиксы, бесконечно большие и бесконечно малые величины, но чисел после запятой всегда не больше трех. А если и возникают какие-то предметы, то их возникновение подчинено строгой логике и всегда работает на результат.

Деревья, прорастающие из Шона, ни к какому результату не ведут. И дурацкие банки из-под кока-колы!.. На одну из них (в качестве логарифма) еще можно было согласиться скрепя сердце, но их было гораздо больше чем одна. И вид у банок – самый плачевный, ничего общего с чистенькими скрепками, ластиками и точилками, населяющими сны Кристиана.

Это ошибка, сон не по адресу, убеждает себя Кристиан, стараясь выбросить из головы детали кошмара. И на какое-то время ему удастся избавиться от навязчивых корней и вездесущих веток, но ровно до того момента, когда приходит

очередное письмо от Шона.

«Приезжай как получится, но не позднее конца следующей недели. У нас маленькое семейное торжество, и твое присутствие не помешало бы. Твой друг Шон».

Письмо повергает Кристиана в замешательство. Легко сказать «приезжай», когда речь идет о паре автобусных остановок или о соседней ветке метро. Но в условии задачи фигурирует Камбоджа, а это совсем другой конец земли, утомительные часы авиаперелета, а еще нужно раздобыть билет. Да и стоит этот билет немало, исходя из расстояния до Юго-Восточной Азии. А ужасы климата? А малярийное проклятье, а гнилая вода? И с каких это пор присутствие Кристиана так желанно на неизвестном ему семейном торжестве? Все эти годы Шон и его семья прекрасно обходились без Кристиана и справляли праздники тоже.

Что изменилось теперь?

Ответ, если он и существует, недоступен Кристиану, а Шон между тем проявляет совершенно не свойственную ему активность.

«Ты уже взял билет?» — вопрошает второе письмо, отправленное через сутки после первого. Странно, что Шон даже не поинтересовался относительно планов самого Кристиана, хочет ли тот вообще лететь в чертову Камбоджу. И как совместить гипотетическую поездку с работой Кристиана, пусть и бросовой, но все же позволяющей держаться на плаву?..

К третьему письму Шон прозревает:

«Если у тебя затруднения с деньгами – ничего страшного. Я готов оплатить поездку. Просто возьми билет в один конец и ни о чем не беспокойся. Очень тебя ждущу. Твой лучший друг Шон».

Началось!.. Шон, несмотря на пятилетнее отсутствие в жизни Кристиана, не потерял навыков манипулирования им. Словосочетание «лучший друг» ко многому обязывает, от него не отмахнешься, как от «приятеля» или просто «друга». В нем есть известная эксклюзивность, оно исполнено доверительности и надежды на понимание. То, что должен уяснить Кристиан: если уж лучший друг тебя о чем-то просит, отказать ему невозможно.

«Ты не против, если я возьму с собой саксофон?» — это и есть закамуфлированное согласие на поездку, которое Кристиан дает спустя еще сутки.

«Бери что угодно. И сообщи точное время прилета, я встречу тебя в аэропорту».

Стоило только решиться на поездку, как у нее сразу же образовалась масса преимуществ. Во-первых, Кристиан увидит экзотическую страну, о которой в другой ситуации даже и помыслить не мог. И Ангкор-Ват перестанет быть просто картинкой, скачанной из Интернета: ведь есть немаленький шанс посетить его и даже сфотографироваться на фоне главного храмового комплекса. Раньше Кристиан и не помышлял о дальних путешествиях, но теперь его одолел туристи-

ческий зуд: что еще брать в дорогу, кроме саксофона?

Что-нибудь необременительное из одежды (в Пномпене его будут поджидать вечные камбоджийские +30). Фотоаппарат, парочку чистых блокнотов, куда можно будет заносить умные мысли относительно края земли. Удобную обувь, медицинские препараты, способные защитить от инфекций; MP3-плеер с коллекцией джазовых исполнителей. Лететь придется долго, а еще две пересадки – в Йоханнесбурге и Гонконге, и джаз поможет скоротать время.

Кристиана немного страшит встреча с *Dasha*, но лишь немного. Останься он сочинителем небылиц, страха и неловкости было бы больше. Теперь же все в порядке, *Dasha* — русская жена его друга. При желании он найдет темы для разговора и с русской, опыт общения с ее соотечественниками уже есть. Его близкая подруга Анна...

Стоп-стоп.

Анна не подруга – случайная знакомая, с которой он провел всего лишь час в таком же случайном баре, и абсолютно комфортным этот час не назовешь. Стоит только вспомнить об Анне – как в сердце моментально вонзаются острия ножей-серборезов. Стоит только забыть, как самодельное кольцо тут же возвратит к действительности: существование Анны – факт, и от него не отделаешься. Теперь Кристиан носит кольцо на цепочке, которую не снимает даже в душе. Каждое утро он встречается с кольцом (и – опосредованно – с Анной) во время бритья, рутинная процедура длится на несколько

минут дольше, чем обычно. А все потому, что Кристиан пристально рассматривает себя в зеркале. Удивительно, но кольцо придает образу Кристиана шарм. Намекает на нечто значительное. Экзотическое.

Это отметила даже двоюродная сестра.

– Занятная штукавина, – сказала она. – Где раздобыл?

– Э-э-э... Подарок. Одной... знакомой.

– У тебя появилась девушка?

– Не то чтобы... Просто знакомая.

– Просто знакомые не дарят колец. Ну-ка, рассказывай.

В редкие моменты допросов с пристрастием двоюродная сестра напоминает Кристиану таксу, пытающуюся выудить барсука из норы. Тот же азарт, та же неудержимость и готовность караулить жертву часами. Вот и сейчас, наматывая круги обычного, ничего не значащего разговора с парфюмерно-кулинарно-глянцевым уклоном (генерировать другие сестра не в состоянии), она нет-нет да и вернется к мифической «девушке Кристиана».

– Твоя девушка хотя бы симпатичная?

– Она не моя девушка...

– А фотография у тебя есть? А когда ты нас познакомишь?

– Не вижу поводов для знакомства.

– Была бы девушка, а повод найдется.

– Ты не поняла. Я не вижу поводов в принципе.

– И очень зря, дорогой братец. В таком важном деле, как девушка, не помешал бы взгляд со стороны. С твоей стороны

– ведь я всегда на твоей стороне.

– Спасибо, конечно, но...

– Не забывай, что я твой самый близкий человек с тех пор, как умерла тетя Джейн... И я в какой-то мере ответственна за тебя. Во всяком случае, могу дать пару дельных советов.

– Относительно девушек?

– Относительно того, как заморочить голову девушке настолько, чтобы она не поняла: ты – идиот.

– Выходит, ты на стороне идиота?

Отличительное свойство такс: пропускать мимо ушей вопросы, непосредственно не касающиеся выдворения барсука из норы.

– Надеюсь, ты еще не мучил ее своим саксофоном.

– Нет.

– Замечательно. Лучше вообще спрятать его от греха подальше. Займи ее чем-нибудь более приятным. Когда вы останетесь наедине.

– Чем, например?

– Займи ее любовью.

– Э-э-э... В прикладном смысле?

Дружба с «Тре Крунур» не прошла для его двоюродной сестры даром. Шведки практичны и лишены сентиментальности, это распространяется на все, включая отношения между мужчиной и женщиной. Любовь тождественна сексу, если отбросить ненужные виньетки, кремовые розочки и голубей на открытках, единственное достоинство которых —

они не гадят на голову.

– ...В самом прикладном, ты правильно понял, Кристиан. Себя ты можешь занять тем же самым, и времени на глупости не останется.

Под глупостями сестра подразумевает его столетнюю войну с саксофоном, что же еще!.. Ну и дура, а Кристиан соби-рался рассказать ей, что улетает из страны, и даже раздумывал о подарке для нее. Что-нибудь из ювелирных украшений – в Камбодже, по всеобщему утверждению, можно найти хорошие камни по бросовой цене. Но теперь он и не заикнется о предстоящем путешествии, а такса пусть сторожит пустую нору, если ей нейдется.

Но выдержать линию до конца Кристиану так и не удалось. Уже приехав в аэропорт, зарегистрировавшись на рейс и сдав в багаж рюкзак, он вдруг подумал о том, что устал от камбоджийской авантюры. Между тем как она еще даже не началась. Никакой радости от предстоящего Кристиан не испытывает, а легкое волнение можно отнести только к перелету, ведь самолеты иногда разбиваются. Смешно, если его самолет (South African Airlines) возьмет и не долетит до пункта назначения, развалится на части где-то над Тихим океаном. Кому в таком случае посвятить преждевременную Кристианову кончину, самую бессмысленную из всех возможных? Шону с его электронными спекуляциями на тему вечной дружбы? *Dasha*? Кристиан почему-то уверен: о его существовании *Dasha* узнает ровно в тот момент, когда Шон

отправится встречать его в Почентонг². Или чуть раньше, но ровно настолько, чтобы успеть приготовить комнату для гостей.

Если с Кристианом что-то случится, никто и ухом не поведет. Никто не расстроится, просто примут к сведению, что Кристиана больше нет. И тут же забудут об этом, ведь место, которое Кристиан занимает в жизни других людей, не слишком велико. Всего лишь эпизод, связанный то ли с джазменом, то ли с фотографом и немного оператором – абстракцией, пустышкой. Единственный человек, кто по-настоящему огорчится, – двоюродная сестра.

Но ее мнение ничего не значит.

И надо все же быть поласковой с такой.

Мучимый запоздалым раскаянием, Кристиан тут же набирает телефон сестры:

– Привет, дорогая. Просто хотел сказать, что я люблю тебя. Надо бы видеться чаще...

Пауза на другом конце длится ровно три секунды:

– Она тебя бросила и ты снова одинок?

– Вовсе нет. Я улетаю, и некоторое время меня не будет в стране. Не думаю, что долго. Но смена обстановки необходима. Разобраться в себе, понять, что делать дальше.

Вот черт, Кристиан вовсе не хотел лгать, но... Все получается само собой, ложь вытекает из него, как по желобу. По рукотворному руслу, очищенному от мутной каменистой

² Аэропорт Пномпеня.

правды. Сказать правду означало бы вытащить на поверхность Шона, а это уж точно не понравится сестре.

– И куда ты собрался лететь?

Невинный вопрос тут же трансформируется в хищника, готового порвать в клочья травоядную и парнокопытную ложь Кристиана. Сказать или не сказать о Камбодже? Назвать другую страну, равноудаленную и от Камбоджи, и от туманной родины? Из равноудаленного на ум Кристиану приходит только Огненная Земля, да еще мыс Горн (учитывая плотность тамошнего населения, скрыться от зубов хищника вряд ли получится). Камбоджа, как и правда, все же предпочтительнее. Но если сестра узнает о Шоне и Камбодже постфактум? Обиды будет на всю жизнь.

– Думаю, э-э-э... в Таиланд.

– Думаешь или и впрямь в Таиланд?

– Ага. В Таиланд. Я уже в аэропорту.

– Ты какой-то странный, Кристиан. Тебя даже на пикник за город не вытащить, а тут вдруг – Таиланд. Не самое лучшее место, чтобы разбираться в себе. Или ты решил заняться секс-туризмом?

Типичные мысли одинокой эмансипированной девушки, находящейся под сильным шведским влиянием. Но прослыть секс-туристом лучше, чем прослыть предателем сестры и клятвопреступником. Когда-то давно, когда Шон ее бросил, сестра взяла с Кристиана клятву вычеркнуть подлеца из жизни так же, как вычеркнула она. Теперь и не вспом-

нить, что именно ответил Кристиан.

Скорее всего – согласился с предложенными условиями.

– Как карта ляжет, сестренка.

– ...Я беспокоюсь за тебя. Будь осторожен, Кристиан. И обязательно позвони, когда доберешься до места.

– Конечно.

– И все-таки странно...

– Что ты имеешь в виду?

– Эта внезапная поездка. Она как-то не вяжется с тобой.

Что все-таки случилось?

– Ничего.

– Мне не нравится эта идея.

– Какой бы она ни была – я уже в аэропорту.

– И тете Джейн она бы не понравилась.

Спорный тезис, учитывая, что все шесть сердец покойной матери были отданы «Роллингам», тем еще хулиганам, авантюристам и подрывателям основ.

– Может быть. Мне пора, дорогая. Целую тебя.

– И я тебя. Будь осторожен и не привези дурную болезнь.

– Постараюсь.

Пустив таксу по ложному следу, Кристиан не чувствует никакого удовлетворения. Теперь она начнет переживать за самолет, в котором его не будет. И за поступки, которые он даже не думает совершать. Уже в салоне, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Кристиан принимается рассматривать попугайчиков. Несколько молодых людей – по виду мелких клер-

ков, родители с детьми, влюбленная парочка, группа китайцев, группа африканцев, католический священник с постной физиономией... Ничего особо выдающегося, никто не тянет на протее высших сил, следовательно, с ними, как и с Кристианом, может случиться все что угодно.

Где-нибудь над Тихим океаном.

Ровно так думает Кристиан до момента, пока не замечает мужчину, сидящего в соседнем ряду. Мужчине слегка за сорок, он облачен в такой же деловой костюм, что и желторотые клерки. Почти такой же, только ткань существенно дороже, да и сидит костюм намного лучше. Впрочем, на таких типах «намного лучше» сидит все что угодно. Несколько секунд Кристиан наблюдает за аккуратно постриженным затылком, затем в поле зрения попадает профиль мужчины – жесткий и притягательный, похожий на профили всех голливудских красавцев одновременно. Диапазон профессий, которыми может владеть мужчина, чрезвычайно широк – от наемного убийцы до посла по особым поручениям, в порядке эксперимента решившего лететь экономклассом. Диапазон навыков – еще шире. Таким типам не нужно приписывать себе несуществующие подвиги, наоборот – им надо прилагать усилия, чтобы спрятать от посторонних глаз уже совершенное.

На секунду Кристиан чувствует себя частью массовки, в то время как мужчина – несомненно, главный персонаж. Секретный агент, агент влияния, двойной агент, тройной.

Вряд ли он выйдет в Йоханнесбурге, но Гонконг вполне может оказаться конечной точкой его маршрута, учитывая опавшиеся там *Триады*. Крупицы знаний о триадах Кристиан почерпнул из азиатских боевиков, ни один из которых не был досмотрен до конца. Это и не важно, как не важно, на чьей стороне выступает мужчина из соседнего ряда. Важно, что он вообще есть.

И его смерть, если она существует, всегда персонифицирована, одинока и ослепительна в своей эксклюзивности. Она совсем не то, что безлика авиакатастрофа с двумя сотнями случайных жертв. Оказаться в числе этих двух ничемных сотен – против правил, исповедуемых агентами влияния, такой поворот сюжета невозможен в принципе. Следовательно, и за судьбу «Боинга» теперь можно не переживать – двигатели не откажут, перебои с подачей топлива исключены, как и разгерметизация салона.

С таким пассажиром самолет обязательно долетит до пункта назначения.

Мгновенно успокоившись, Кристиан начинает размышлять о «дипломате», лежащем на коленях у мужчины. Это весь его багаж или просто ручная кладь? Скорее всего, весь. Такие типы путешествуют по жизни налегке, они не обременяют себя вещами, женщинами и домашними животными. Всем тем, с чем по той или иной причине жалко расстаться. Всем тем, что пробивает бреши в идеально отлаженном механизме. Плоский, геометрически безупречный «ди-

пломат» смотрится намного выигрышнее чехла для саксофона. Слишком расслабленного, слишком мягкого, с массой округлостей и дополнительным карманом, куда свалены ничемные фантазии, не подтвержденные кредитками.

Нет, Кристиану вовсе не хочется стать обладателем «дипломата» – ни на секунду. Слишком беспокойной оказалась бы в этом случае его жизнь. Слишком от многого пришлось бы отказаться. Возможно, для ярко выраженных самцов такие потери несущественны, но не для Кристиана. В его планах на жизнь значатся одна женщина, одно домашнее животное и минимум перелетов через океан. А вещей, необходимых ему, так много, что ни в один «дипломат» не запихнешь.

И не стоило бы Кристиану так откровенно пялиться на соседа из противоположного ряда. Тот почувствовал взгляд и обернулся: абстрактный голливудский профиль сменило вполне конкретное лицо с жесткими, как будто процарапанными иглой чертами. И глаза под стать, такие же царапающие. У Кристиана тут же возникло чувство, что с него сдирают кожу заживо, снимают скальп.

– Хочу позвать бортпроводницу, – промямлил Кристиан, хотя никто не требовал от него объяснений. – Вы не знаете...

– Кнопка наверху.

– Спасибо...

Ну вот, теперь нужно придумать, что бы сказать проводнице, чтобы вызов не выглядел комичным. Справиться относительно длительности полета? Попросить воды?

Попросить спортивную периодику? Сосательную конфетку вкупе с одиозным пакетиком для рвотных масс?..

Спортивная периодика подойдет.

Если все пройдет гладко – Кристиан и взгляда в сторону незнакомца не бросит. Будет думать о Камбодже.

И о таинственном семейном торжестве. Зачем-то же его туда пригласили... Зачем?

ДУЭТ

– ...Итак, молодой человек...

– Вы можете звать меня Кристианом.

– *Итак, Кристиан. Для начала расскажите-ка мне, как вы попали сюда и что связывает вас с обитателями этого дома?*

– Все просто. Мы с Шоном – старинные друзья...

– *Вы познакомились в Африке?*

– Почему в Африке? Вовсе нет.

– *А вы когда-нибудь были в Африке?*

– Никогда.

– *А с женой вашего друга вы были знакомы раньше?*

– Нет. То есть Шон писал мне, что женился. И что счастлив в браке. Я был рад за него. Шон – мой самый близкий друг. И я был рад за него, очень рад.

– *Вы это уже говорили.*

– Да, простите.

- А Шон, случайно, не рассказал вам, своему самому близкому другу, почему они уехали из Африки?
- Нет. Он предпочитал не говорить об этом.
- А о чем он предпочитал говорить? О том, что счастлив в браке?
- Да. Еще... он хотел, чтобы животные жили вечно.
- Какие животные?
- Собака и две кошки. Но так не бывает. Все животные умирают рано или поздно.
- С людьми случаются вещи и похуже.
- Да. Бедный Шон... Не знаю, как он сможет все это пережить.
- Значит, он любил свою жену?
- Да.
- И отношения у них были самыми безоблачными?
- Он любил свою жену. А если вы насчет того случая, во время фейерверка...
- И насчет него тоже. Но не только. Он ведь жаловался вам, что в последнее время все шло наперекосяк? Что отношения разладились?
- Э-э... Я не хотел бы это обсуждать.
- Придется.
- Он сказал, что они с женой несколько отдалились друг от друга в последнее время. Но ведь это иногда случается? Кризис в семейных отношениях?
- Они собирались расстаться?

– Нет, что вы! У Шона и в мыслях не было расставаться с женой, он очень ее любит. Ее и маленькую дочь. Они – смысл его жизни, какое уж тут расставание...

– *Он ревновал ее к находящимся здесь мужчинам?*

– Он... Он был немного недоволен теми знаками внимания, которые ей оказывали. Но старался держать себя в руках...

– *Не очень-то хорошо у него это получалось. К вам он тоже ревновал покойницу?*

– Ко мне?! Глупости... Почему у меня должны быть виды на жену друга? Это непорядочно. Я бы никогда себе этого не позволил, никогда...

– *А хотелось, признайтесь?*

– Не в чем мне признаваться! Такой поворот событий совершенно исключен, совершенно!

– *Ну мало ли... Судя по всему, покойная действовала на окружающих прямо-таки мистическим образом...*

– Я-то здесь при чем? Она не в моем вкусе, и она намного старше... Она просто жена моего друга – так я к ней и относился.

– *Не нужно нервничать, Кристиан.*

– С чего вы взяли, что я нервничаю?

– *Зачем Шон пригласил вас сюда, да еще в период сложностей в семейной жизни?*

– Ну о том, что есть сложности, я узнал только здесь. Наверное, ему не хотелось оставаться одному среди бывших...

э-э... друзей его жены, которых он даже не знает толком. Я приехал, чтобы поддержать его.

– Помочь разобраться в происходящем?

– Вряд ли бы я мог в чем-то помочь. Скорее поддержать.

Это самое точное слово, да.

– Вы разговаривали с женой Шона об их семейных проблемах?

– Нет. Это было бы неэтично.

– А вы вообще разговаривали с ней?

– В каком смысле?

– Ну какой-нибудь личный разговор. За чашкой утреннего чая, в отсутствие других гостей.

– Нет, нет. Мы не оставались наедине, если вы это имеете в виду...

– А что вы вообще можете сказать о покойной?

– Здесь есть люди, которые давно ее знают. Наверное, правильнее было бы спросить у них.

– Разве у вас не сложилось собственного мнения о ней?

– Она – любимая женщина моего друга. Этого достаточно, чтобы относиться к ней с симпатией.

– Вы так и относились?

– Да.

– Несмотря на страдания, которые она причиняла вашему другу?

– Ну... Я не знаю... Она была обаятельным человеком. Который не может не нравиться. Собственно, мне показав-

лось, что все здесь немного влюблены в нее...

– *Наверное, и голову ей раскроили от большой любви... Вы считаете ее красивой?*

– Все считают ее красивой.

– А вы?

– Ну... Наверное. Я как-то не задумывался над этим.

– *Она не в вашем вкусе, да. Чем вы занимаетесь у себя на родине?*

– В каком смысле?

– *В смысле профессии.*

– Э-э... Вообще-то я курьер...

– *Наркокурьер?.. Это шутка.*

– Я работаю в одном маленьком издательстве, но...

– *Ваша поездка сюда – довольно затратное мероприятие.*

А на зарплату курьера не особенно разгуляешься.

– Не понимаю, какое отношение имеют мои доходы к произошедшему здесь.

– *Никакого. Просто подумал, что поддержка друзей иногда обходится нам очень дорого. Во всех смыслах. Вы не замечали, покойная не конфликтовала ни с кем из гостей? Может быть, мелкие ссоры, разговор на повышенных тонах? Или наоборот.*

– Наоборот – это как?

– *Тихая склока где-нибудь в укромном уголке.*

– Нет. Я стараюсь не заглядывать в укромные уголки этого дома.

– Он ведь вам не нравится, дом.

– Не то чтобы...

– Вы сами говорили об этом Магде, писательской жене.

Кстати, что вы думаете о ней?

– О Магде? Ничего. Мне лишь показалось, что она здесь самая несчастная. Еще несчастнее Шона. Что она здесь не совсем в своей тарелке. Может быть, она хороший человек, но... Лучше, когда ее нет на горизонте.

– Для кого лучше?

– Наверное, для всех.

– Вам лично она мешала?

– Нет, но она странная. Все время говорила что-то о кладбищах, ведьмах и вудуизме.

– Вы поддерживали эти разговоры?

– Не то чтобы... Она, конечно, несла чушь. Но кое с чем я был согласен. Здесь слишком много вещей, место которым совсем не в жилище. Это угнетает, особенно по ночам. Даже спокойно заснуть получается не всегда.

– Но сегодня, как ни удивительно, почти ни у кого не было проблем со сном. Все спали как убитые и ни за что не хотели просыпаться.

– Это не совсем так.

– Вы ведь были в числе первых, кто обнаружил тело?

– Но я не был самым первым.

– А перед рассветом вы не слышали никаких посторонних шумов? Может быть, крика?

– Детского?

– *Детского или какого-то другого.*

– Я слышал детский крик, от него я и проснулся. Но это случилось не ночью, а утром.

– *Ранним утром?*

– Было уже светло.

– *И вы не вышли посмотреть, в чем там дело?*

– Ну... я посчитал, что в доме есть кому разобраться с плачущими детьми.

– *Почему в таком случае вы решились выйти позже?*

– Потому что крик не умолкал. Я спустился вниз... Ну а остальное вы знаете.

– *Значит, ночью все было спокойно?*

– Ну да. Насколько вообще может быть спокойно в таком доме. Посторонние шумы все равно присутствуют. Дождь, работающие кондиционеры, какие-то скрипы и вздохи...

– *Шепоты, голоса?*

– Голосов я не слышал.

– *Кто-нибудь ходил по этажу?*

– Если бы я обращал внимание на всех, кто ходит по этажу...

– *Слишком много людей?*

– Да.

– *Вы с кем-нибудь столкнулись, когда вышли из комнаты сегодня утром?*

– Поначалу нет. Но внизу я встретил мальчика.

– *Сына хозяйки?*

– Да. Мы вышли из дома вместе. И прямо на пороге столкнулись с русской. Остальное вы знаете.

– *Что вы можете сказать об этой русской?*

– Она милая. Довольно неглупая. Жаль, что ее не было этой ночью в саду.

– *Но и без нее вечеринка удалась?*

– В общем – да.

– *Если не считать инцидента с вашим другом во время фейерверка.*

– О нем все быстро забыли. Это не испортило праздника.

– Да?

– Почти не испортило.

– *Что же тогда испортило праздник вам?*

– Мне?

– *Свидетели утверждают, что покойная позволила себе неллицеприятное высказывание о вас, и вы расстроились.*

– Нет, что вы!..

– *А они утверждают, что на вас лица не было.*

– Они ошибаются. Мы просто играли в одну милую игру, что-то на манер интеллектуальной шарады. Рискованные вопросы задавались, не спору. Но никто никого не оскорблял...

– *Что ж, вам виднее. Скажите мне, Кристиан... У вас ничего не пропало? Какая-нибудь ценная вещь?*

– Н-нет... Почему вы спрашиваете?

– *Мало ли... В доме есть дети, и они не отличаются примерным поведением.*

– Нет-нет, дети совершенно замечательные. Мы с ними отлично ладим. Если вы имеете в виду саксофон...

– *Я не имею в виду саксофон.*

– Ну хорошо... У меня ничего не пропадало... И... даже появилось лишнее. Сегодня утром. В пижамном кармане. Я не знаю, как там оказалась эта вещь... Но она мне точно не принадлежит.

– *Что это за вещь?*

– Вот, возьмите... Я хотел отдать вам ее сразу...

– *Ключ?*

– Забавный, да? Я таких никогда не видел.

– *Осталось только выяснить, что он открывает. Вы не в курсе?*

– Нет.

– *Может быть, дверь, за которой прячется убийца?.. Ну-ну, не бледнейте, это всего лишь шутка...*

* * *

...Дарлинг, несмотря на свои неполные двадцать семь, – выдающаяся личность. Так утверждают все, кто время от времени посещает ее френд-ленту в ЖЖ. Подобных посетителей наберется с три десятка, но постоянно пасущихся – человек пять. А самый постоянный – некто *paolo_maldini*,

забавный тип, скрывающийся за аватарой юного японского камикадзе. Аватара слишком мала, чтобы рассмотреть Паоло в подробностях, но общий наивно-нервный абрис впечатляет. Как впечатляет таинственность Паоло, о котором Дарлинг известно все – и ничего. «Все» относится ко вкусам Паоло (незаметно и исподволь ставшим и вкусами Дарлинг), его философски-ироническому взгляду на жизнь, его пристрастиям в еде, литературе, музыке и прочим важным, но мало что определяющим вещам.

«Ничего» относится к личности самого Паоло. С тех пор как его самолетик спикировал в журнал Дарлинг, прошло два года, но она до сих пор не знает, как по-настоящему зовут Паоло, откуда он, чем занимается и сколько ему лет. Ведь не может же он и в самом деле быть камикадзе, увернувшимся от войны, попавшим во временную воронку и вынырнувшим в русском Интернете. И не где-нибудь, а в Дарлинговой жежешечке. Почему был выбран именно ее журнал, при наличии в Сети миллиона других журналов, рациональному объяснению не поддается. Но факт остается фактом: нигде больше Паоло не засветился. Достаточно открыть поисковик, чтобы в этом убедиться.

В собственном журнале Паоло имеется лишь одна запись двухлетней давности. Вернее, не запись, а странное словосочетание «Рей-Сен». И все. Ни тебе объяснений, ни тебе развернутых характеристик, ни тебе настроения дня («снег, дворники, немного грустно»), ни тебе подходящего случаю

трека (Фрэнсис Лей – Plus Fort Que Nous) – ничего такого, что проливалось бы свет на Рей-Сен.

И на Паоло заодно.

Наверное, Дарлинг излишне романтична (что простительно девушке), но в Рей-Сене она находит множество самых причудливых оттенков бытия. Не говоря уже о дворниках, снеге, грусти, Фрэнсисе Лее и любимом папочке, корабельном коке, – последний раз он выходил на связь из Норвегии. А до этого – из немецкого Киля. А до этого... Если ставить флажки в тех местах, где побывал папочка за всю свою долгую корабельную жизнь, то карта мира окажется зататуированной, как последний байкер. На своем сухогрузе он огибал даже мыс Горн, который вполне сопоставим с Рей-Сеном по суровой ослепительности. Впрочем, Рей-Сен гораздо масштабнее: он способен поглотить и мыс Горн, и все остальные мысы, острова и материки – настолько он велик. Так, во всяком случае, кажется Дарлинг из болотистой питерской заводи. Так ей хочется думать: где-то там – где волны стоят стометровой стеной – таинственный и всемогущий Рей-Сен охраняет папочку, прикрыв его прозрачным куполом для надежности.

Но не исключен и другой вариант, не отменяющий, впрочем, прозрачной рей-сеновской сути. Рей-Сен – стекло на наручных часах Паоло-камикадзе. Бесконечно большие и бесконечно малые величины подменяют друг друга с легкостью, и в этом тоже состоит прелесть *незнания*.

Вот именно: Дарлинг не желает знать, что есть Рей-Сен на самом деле. Хотя одного клика в Гугле или Яндексe было бы достаточно, чтобы картина прояснилась и выплыли ссылки, опрокидывающие рей-сеновскую сказку мордой в грязь.

Наверняка это что-то не очень важное для мировой истории.

Что-то мелкое и незначительное на манер пустой сигаретной пачки или аппликации на рубашке поло. Нет уж, лучше оставаться в счастливом неведении, ведь сигаретная пачка, а тем более аппликация, не защитят папочку и его сухогруз.

Счастливое неведение длится вот уже два года. Зато многие другие вещи получили свое объяснение не в последнюю очередь благодаря Паоло. Хаос, до того царивший в девичьей голове, сменила упорядоченность. Общечеловеческие и культурологические ценности внесены в предварительно очищенный от более ранних наслоений череп. Каталогизированы и расставлены по местам. Конечно, Дарлинг еще пытается сохранить крохи самостоятельности и даже – в пик Паоло – почитывает женские любовные романы в метро. Вместо обязательных к детальному изучению Томаса Манна и Умберто Эко. Но стоит только Паоло прознать об этом (по каким-то неразличимым простому человеческому взгляду блохам в Дарлинговых постах), как он мгновенно активизируется. Направляет свой маленький отважный самолетик прямо в кормовую часть эсминца со звучным именем «Глупость Дарлинг». И еще ни разу не обходилось без поврежде-

ний обшивки («*Не будь идиоткой!*»), преждевременной гибели корабельного зенитного комплекса («*Caution! Крепитизм заразен!*») и взрыва парового котла («*Аффишировать примитивность вкусов – некошерно!*»). Конечно, Паоло никогда не прибегает к столь унижительным для Дарлинг комментариям, он действует намного тоньше. Несколько иронических замечаний, суть которых ясна только посвященным; несколько вроде бы абстрактных реплик – больше всего они напоминают Дарлинг хорошо тренированных сторожевых псов, не дающих свернуть с прямой дороги к совершенству. И стоит только ей присесть на обочине (надо же когда-то и отдыхать от работы над собой), стоит лишь свернуть в манящий свежей листвой орешник дурновкусия – как псы тотчас же являются и щерят зубы:

Вставай и иди, Дарлинг, вставай и иди.

Будь умницей, и тебе воздастся.

Самое удивительное, что со стороны псы вовсе не выглядят короткошерстными клыкастыми надзирателями, способными тяпнуть за икры. Напротив – они лучшие друзья Дарлинг. И сам Паоло смахивает на воздыхателя, а его комментарии – на изысканный флирт. Наверное, именно так и думают завсегдатаи Дарлинговой жежешечки и те, кто заглядывает в нее лишь время от времени, оглашая окрестности громким воплями «Вы мне нравитесь, мадемуазель! Френжу!».

Или – «Вы симпатяга!»

Или – «Вы чудный малыш!»

Или – «Зашла в твою ЖЖ, и захотелось здесь остаться.

Ты не против?»

И только Паоло ни о чем не спрашивал с самого начала. Взял и остался. И теперь, спустя два года, Дарлинг больше всего боится, что он уйдет. Как и пришел – не объясняя причин. Не объясняя ничего.

Если бы кто-то сказал Дарлинг, что она немного влюблена в виртуального Паоло, она бы фыркнула, смешно сморщив нос. Побарабанила бы кончиками пальцев по клавиатуре и выдала бы что-нибудь из подстрочника Паоло (*«Не будьте идиотами!»*).

Но в глубине души согласилась бы с вердиктом. Да-да, она влюблена. Немного. Чуть-чуть. Самую малость. Как бывала влюблена в актеров второго плана, чья мученическая полукриминальная смерть всегда остается незамеченной; как бывала влюблена в таких же эпизодических персонажей из собственной жизни: курсантика в метро, фотографа из ателье «Кубик», расположенного в ближайшей подворотне, двух барменов с одинаковым именем «Сергей» на бейдже; компьютерщика, приходившего чинить ноутбук. Любовь к курсантику длилась ровно один перегон – от «Петроградской» до «Черной речки». Любовь к фотографу – ровно столько, сколько длилась шенгенская фотосессия с последующей обработкой снимка на визу в фотошопе. Любовь к двум барменам была самой настоящей long-drink: в одном случае Дар-

линг заказала мохито, а во втором – симпатичный коктейль В-52, плюс романтически-долгое разжевывание мяты и рас-сасывание льда. С компьютерщиком же мог возникнуть са-мый настоящий роман, если бы он сумел реанимировать но-утбук. Но парень оказался совсем не таким зубодробитель-ным мастером, каким виделся Дарлинг, и ноут благополучно издох у него в руках. А вместе с ноутбуком отбросила коньки так и не начавшаяся любовь. Дарлинг тогда расстроилась – исключительно из-за ноутбука, потому что из-за несбывшихся чувств она не расстраивается никогда. И инстинктивно из-бегает отношений, в которых можно утонуть, как в речном омуте. Ее удел – бродить по мелководью, сторонясь глубин.

Глубины души – не исключение.

Единственный человек, с кем Дарлинг время от времени обсуждает Паоло, – ее младшая сестра Лерка. В отличие от Дарлинг, двадцатилетняя Лерка никакой не романтик. Ско-рее циник. Прекрасно знающий, что именно ей нужно в жиз-ни. У Лерки и список заготовлен, и первым номером в списке идет удачное замужество. Фоторобот потенциального мужа составлен в мельчайших подробностях, вплоть до рода заня-тий (олигарх из сырьевой отрасли, на худой конец – круп-ный чиновник или владелец сети супермаркетов). Потенци-альный муж должен быть не старше сорока (правда, в пери-од ПМС, когда на кукольной физиономии Лерки вскакива-ет одинокий прыщ, возрастная планка волшебным образом поднимается до сорока трех). Потенциальный муж не дол-

жен храпеть, разбрасывать носки, пивные банки и запонки с бриллиантами и отлучаться из дома на уик-энд под предлогом бильярда, утиной охоты или сауны с друзьями. Потенциальному мужу не возбраняется читать «Спорт-Экспресс» за ужином и биржевые сводки за завтраком, а все остальное подлежит обсуждению. И может послужить основой для брачного контракта.

В контексте кого-нибудь другого все эти праздные мечты выглядели бы откровенной дурью, но только не в Леркином. Дарлинг свято уверена, что рано или поздно (но не позднее тридцати) сестра добьется своего. Заполучит сырьевого олигарха. Или даже крупного партийного функционера с прицелом на президентство. Лерка – она такая. Хорошенькая до невозможности. С жемчужными зубами, способными перекусить шею всем остальным претенденткам на кусок олигархического мяса. Со стальным позвоночником и такой же стальной волей. А еще Лерка не боится глубин в их самом что ни на есть прикладном понимании. Глубин и высот. Несмотря на свой юный возраст, она вполне профессионально занимается дайвингом, альпинизмом и горными лыжами. И почти не тратит время на Интернет, за исключением разговоров по скайпу с Дарлинг – каждую третью пятницу месяца. Скайп – вещь вынужденная, поскольку Лерка живет в Сочи, куда семья перебралась из-за маминой астмы. И лишь Дарлинг осталась в Питере, в родовом гнезде у метро «Горьковская». Сначала потому, что нужно было закончить учебу

в университете, а потом...

Дарлинг совсем не прельщают Сочи – вот и получилось «потом».

Дарлинг считает Сочи слишком приземленным городом. Где не случается чудес, а могут случиться лишь популярные актеры в плавках с логотипом «Кинотавра». Там наверняка могут случиться и олигархи, но на олигархов Дарлинг наплевать. И на их культовые бриллиантовые запонки – тоже. Ей нравятся совсем другие вещи и совсем другие мужчины. Чьих черт толком и не разглядишь в сумраке. Чьи черты не так уж важны – важно лишь общее от них ощущение.

Ощущение тайны.

Камикадзе из маленького самолетика – именно такой.

– Ну и как там твой интернет-хмырь? – всякий раз спрашивает Лерка в третью пятницу месяца. – Еще не слился?

– Ну и как там твой сырьевой олигарх? – всякий раз эхом откликается Дарлинг. – Еще не возник на горизонте?

Леркин горизонт до сих пор чист: ни одной нефтяной платформы, ни одной прогулочной яхты размером с «Титаник», ни одного приводнившегося самолета президента. А на такую мелочь, как утлые катамараны, раздолбанные водные велосипеды и моторки местной шелупони, она внимания не обращает. Но честно сообщает сестре, что за время ее трехнедельного отсутствия в скайпе было получено двадцать предложений сходить в киношку, тридцать одно – в ночной клуб, не менее семи – руки и сердца и не менее трех – посе-

тить Египет по горячей путевке «все включено».

Египет Лерка видела в гробу, тем более что менять на него Сочи – все равно что менять шило на мыло, только конченные недоноски могут подкатывать к девушке с таким непристойным предложением. А в свете предстоящей зимней Олимпиады сочинские котировки вообще взлетят в стратосферу, в то время как «сранный Ебипет» так и будет прозябать в жалких ионосферных слоях. Вообще, все Леркины ожидания самым иррациональным образом связаны именно с Олимпиадой, тогда-то уж точно на сочинский берег, прямиком из великосветских и нефтяных глубин, выйдут тридцать три наикрутейших бизнес-богатыря. Возможно, их будет больше, возможно, несколько меньше, но один точно достанется Лерке. Со всеми потрохами, плюс бриллиантовые запонки и культовые часы «Улисс Нардин» в варианте Limited Edition.

Трехнедельные достижения Дарлинг куда как скромнее: несколько бизнес-ланчей с коллегами по работе мужского пола, два виртуальных подарка, одна ссылка на замшелую стинговскую песню Mad About You, а в ночные клубы Дарлинг не ходит принципиально. Да и в кино до последнего времени ходила исключительно с лучшей – еще школьной – подругой Кокориной по прозвищу Коко. Но теперь место подле Коко, которое законно и в любом кинотеатре принадлежало Дарлинг, оказалось занятым мужчиной.

Мужем.

Не далее чем месяц назад мелкотравчатая предательница

Коко скоропостижно выскочила замуж за обрусевшего грека с пафосным именем Вассилис. Неизвестно, что именно привлекло Коко в этом неотесанном мужлане: возможно, наличие туманных дальних родственников в почти мифическом городе Коринф. Возможно, такое же туманное и отдаленное сходство с ее любимым актером Джонни Деппом. Возможно, умилительная привычка Вассилиса ковыряться в ухе ключом от старенького «Альфа-Ромео». Но, скорее всего, Коко просто осуществила свою старую мечту стать мужней женой. Отличие этой мечты от грез Лерки состоит в том, что личность мужа не имеет принципиального значения. Достаточно того, что он просто есть.

Захлопнув за собой крышку семейного гроба, Коко напрочь позабыла о своей подруге: ни одного звонка, ни единой эсэмэски, как будто и не было пятнадцати лет дружбы, развеселых девичников, посиделок в Ботаническом саду и ста килограммов сожранного в кинотеатрах попкорна. У Дарлинг еще оставалась надежда на традиционный шопинг по воскресеньям (не станет же Коко таскаться по примерочным с недоделанным греком!), но и она не оправдалась. Очевидно, как шопинг-компаньон Вассилис не в пример интереснее. И ему удалось обогатить дремучую Коко новым знанием: в примерочных можно не только натягивать на себя шмотки, но и целоваться. Или чего похуже, о чем высоко-нравственная Дарлинг предпочитает не думать.

Ну и черт с тобой, предательница Коко!..

Дарлинг могла бы назвать Вассилиса «базилевсом», но упорно называет его «василиском». В первом случае Коко умилилась бы, во втором – обиделась: кому приятно оказаться женой чудовища с телом змеи, головой петуха и взглядом, испепеляющим все живое? К счастью, Коко недоступны такие видовые тонкости. Коко – примитивная самка, как и большинство женщин, которых хлебом не корми – дай только бросить свою жизнь под ноги мужчинам.

Дарлинг совсем не такая. Совсем.

Даже полюбив, она не стала бы отказываться от своей собственной жизни, в которой найдется место всему, а не только носкам горячо любимого муженька. Дарлинг ценит личное пространство и никому не позволит захламлять его. Мухи – отдельно, котлеты – отдельно, хотя она и не ест котлет. За исключением тех, что приготовил искусник-папочка.

Теме вечного женского раболепия перед мужчиной посвящен ее гневный пост в ЖЖ. Пристроившись у кормовой зенитной батареи, Дарлинг ожидает самолетик Паоло – с подвешенными к фюзеляжу дискуссионными бомбами, но самолетика все нет и нет. Лишь на вторые сутки появляется лишенный обычного блеска коммент:

«Чем так откровенно завидовать чужому счастью – лучше постригись».

«В монахини?» — оперативно реагирует Дарлинг.

«Можно и в монахини, но для начала просто постригись. А сменить круг общения ты всегда успеешь».

«И как же мне постричься?»

«Кардинально».

«Это совет или руководство к действию?»

Ни то и ни другое, уверяет Дарлинг Паоло, – всего лишь взгляд на устройство мира из-за цветущих веток сакуры. Ха-ха, как бы не так!.. До сих пор ни одно его замечание не оставалось незамеченным; вползая в чуткое ухо Дарлинг, оно благополучно окукливалось и проходило все полагающиеся случаю метаморфозы. А что уж там получалось на выходе, какая диковинная бабочка или – наоборот – покрытое хитиновым панцирем насекомое-мутант...

Чаще получают бабочки.

Так одно брошенное вскользь упоминание о группе Samarabalouf заставило Дарлинг прошерстить все пиратские сайты в поисках ее альбомов. И однажды утром Дарлинг проснулась фанатичной поклонницей свинга. Затем из-за спины разудалых смешных французигов показалась монументальная фигура Джанго Рейнхардта и не менее монументальное окружение Джанго, растянувшееся по дуге Париж – Новый Орлеан. И однажды утром Дарлинг проснулась фанатичной поклонницей джаза. Конечно, и здесь не обходится без курьезов. Паоло нравится Элла Фитцджеральд? Что ж, Дарлинг примкнет к сторонникам Ширли Хорн, ничуть не менее гениальной. Паоло снисходительно относится к европейскому джазу? Именно его Дарлинг и будет слушать в ближайшие двести лет, без перерыва на полдник и здоровый

сон. А есть еще джаз-фламенко, который Дарлинг открыла для себя совершенно самостоятельно. А есть еще расслабленный, но такой симпатичный фьюжн, и мускулистый би-боп, и кул джаз: от него у Дарлинг мерзнет кончик носа, и она чувствует настоятельную необходимость уткнуться этим самым носом в чей-то свитер. Специальный свитер для конца осени или начала весны, и чтобы он немного пах табаком, и ванилью тоже.

Интересно, носят ли летчики-камикадзе такие специальные свитера?

Спросить об этом у Паоло никак не представляется случая; вечно он все портит в самый последний момент – ехидной репликой или колким замечанием. Вот и теперь идиотский совет постричься, а ведь Паоло даже не знает, как выглядит Дарлинг! В подражание Паоло она никогда не выкладывала своих фотографий, а на аватарах последовательно представала:

- Фаиной Раневской;
- Розовой Пантерой из мультфильма;
- английской актрисой Тильдой Суини, чей inferнальный облик сносит башню капитальнее, чем облик любой голливудской красотки;
- банкой арахисового масла;
- японской гейшей с гравюры Утамаро – в пару к летчику-камикадзе;
- кольцами Сатурна (не продержавшимися и двух дней

ввиду их унылой безыдейности);

– сироткой Понетт из одноименного фильма.

Над горестной судьбой Понетт Дарлинг обливалась слезами всю прошлую зиму и даже выдала на-гора целую серию постов о детском восприятии смерти близкого человека. Не то чтобы посты были как-то по-особенному философичны – но они были искренними, исполненными самого настоящего чувства. Французская малютка Понетт, сама того не подозревая, принесла в копилку Дарлинг еще с десятков френдов: таких же сентиментальных, как она сама. Отягощенных ранними потерями, но получившими взамен нечто гораздо более ценное: опыт горя, который делает любую человеческую жизнь небесмысленной. Так однажды выразился Паоло, правда, совсем по другому поводу. А по поводу Понетт... Он не нашел ничего лучше, чем присоветовать Дарлинг (если уж ей так хочется поплакать) еще один слезоточивый фильм. На этот раз – про собаку. «Хатико», вот как он назывался.

У собак собственное представление о смерти близкого человека, но влезть в собачью шкуру еще труднее, чем в шкуру шестилетней девочки Понетт. Так что публично анализировать верность пса породы акита-ину Дарлинг не стала, ограничившись абсолютно приватными рыданиями в темноте кинотеатра и троекратным прослушиванием саундтрека к фильму.

Дарлинг тоже исповедует принципы верности. Даже сво-

им волосам.

Длинные, светло-русые – они едва ли не единственная ее ценность. И всех своих немногочисленных парней она ловила исключительно на волосы, так они хороши. За всю жизнь Дарлинг кардинально стриглась всего лишь раз, и то не добровольно. Когда ей было четырнадцать, ее обкорнала семилетняя Лерка – прямо во сне. До сих пор Дарлинг во всех подробностях помнит ужас того утреннего пробуждения: еще перед сном волосы были при ней, лежали смиренхонько на подушке – и вот пожалуйста, их нет! А есть голова в чудовищных проплешинах и жалкие клочки рядом с кроватью. На истошный крик Дарлинг прибежала испуганная мама, по косвенным уликам моментально вычислившая виновника. И пока Дарлинг билась головой о зеркало в ванной, вооруженная офицерским ремнем мама рыскала по дому в поисках «дрянной девчонки и божьего наказания, она меня в могилу сведет!». Перемазанная клеем «Момент» Лерка обнаружилась в кладовке, где при свете папочкиного карманного фонарика пыталась присобачить Дарлинговы роскошные пряди к своим жидким косицам. Стоически выдержав пятиминутную порку, Лерка заявила, что нисколько, ни на ноготок не жалеет о содеянном. И что ее сестра Дашка – жадина-говядина и вообще дура, а она, Лерка, напротив, самая настоящая принцессочка. А принцессочкам волосы всяко важнее, чем каким-то там Дашкам, тем более что у Дашки скоро вырастут новые, а Лерке и старые бы подошли, и никому бы не

было обидно. И все бы радовались, и были бы чрезвычайно довольны друг другом, и в воскресенье пошли бы в ЦПКиО есть сахарную вату.

Будь дома папочка, он нашел бы слова утешения для безутешной Дарлинг, и доходчиво объяснил бы Лерке всю изменность ее поступка, и успокоил бы грустную маму. Но папочка был далеко, в своих морях, у берегов Новой Зеландии, – так что из скандала пришлось выпутываться самим. И хотя Дарлинг дала себе слово, что не будет разговаривать с Леркой до конца жизни, хватило ее ровно на неделю, да и волосы стали потихоньку отрастать. Еще неделю дулась сама Лерка, но в конце концов оттаяла и она – как же иначе, все принцессочки славятся великодушием.

Странно, что этот – весьма примечательный – случай из детства не получил своего отражения в ЖЖ. Наверное, имеет смысл изложить его сейчас: вот и получится изысканный и полный несомненных художественных достоинств ответ на нелепое предложение Паоло изменить внешний облик.

Дарлинг все еще думает, как бы половчее изложить историю в деталях, когда от Паоло приходит эта судьбоносная ссылка. С короткой припиской: «*Давно хотел вас познакомиться*». Пройдя по ссылке, Дарлинг обнаруживает плакат с парочкой большеголовых мультяшных придурков, еще более нелепых, чем легендарная Розовая Пантера. Во всяком случае, гораздо менее обаятельных.

A BOUT DE SOUFFLE – вот что написано на плакате. В

верхней его части. В нижней, прямо под ногами придурков, расположились три имени:

Jean-Luc Godard

Jean-Paul Belmondo

Jean Seberg.

Исходя из крупности десуффле-шрифта, легко понять, что это и есть ключ к плакату. Трех минут, проведенных в Гугле, вполне достаточно, чтобы узнать главное: *A Bout de Souffle* – никакая не мультяшка, а культовый фильм 1959 года, с которого началась французская новая волна. Ссылок на него не меньше, чем на суперраскрученный «Аватар».

А может, даже больше.

Конечно же, Дарлинг слышала о Годаре и даже успела пошучать на парочке его (чересчур концептуальных) фильмов. А душка Бельмондо и вовсе друг их семьи, любимый папочкин актер. Каждый раз, возвращаясь из рейса, он обязательно просматривает «Чудовище», а уходя в рейс – «Великолепного», чтобы плавать было веселее. Интересно, какому кретину пришла мысль изобразить восхитительного Жан-Поля в виде мультяшки? Папочке уж точно не понравился бы этот плоский рисованный тип в шляпе. Он бы вообще никому не понравился!..

То же можно сказать о втором рисованном типе, в футболке с короткими рукавами и штанах-дудочках, – наверное, это и есть Jean Seberg. На сей раз не Жан – *Джин*.

Джин – девушка. Актриса.

Американская, как утверждает всезнайка Интернет. Он же выдает Дарлинг кучу изображений Джин – не рисованных, а настоящих.

Настоящая Джин застаёт Дарлинг врасплох – *предупредить надо, господин камикадзе!*.. Стоять на пороге настоящей Джин – все равно что стоять на пороге удивительного открытия. Стоять на пороге настоящей Джин – все равно что стоять на пороге двери, ведущей в преисподнюю. Сутки напролет Дарлинг открывает для себя Джин. Девушку-актрису, проснувшуюся знаменитой в пятьдесят девятом. Женщину-актрису, которой не очень-то везло после пятьдесят девятого. Ни в жизни, ни в кино. Сутки напролет Дарлинг продирается сквозь Джин, осколки ее исполненной трагедий жизни больно ранят. Джин – не крошка Понетт, не верный пес Хатико, отделаться от нее потоком очищающих слез не получится, как ни старайся. В этом потоке не утопишь агентов ФБР, устроивших самую настоящую охоту на нее. И террористов из «Черных пантер», сосавших из нее деньги. А всему виной... Господи, ну разве сочувствие к чернокожим и чувство неизбывной вины перед ними могут быть виной? Джин прекраснодушна и хрупка, как цветок, несмотря на ее паранойю, боязнь темноты, психиатрические клиники, алкоголизм и пристрастие к наркотикам. Несмотря на самоубийство в сорок один. Дарлинг леденеет не от самого факта самоубийства – возможно, оно и было избавлением для Джин, и даже скорее всего. Но от того, что произошло потом, не

избавиться, ведь Джин нашли не сразу. А только через одиннадцатый день – в машине на окраине Парижа. Ее полуразжившееся тело было завернуто в старое одеяло. Укутано в старое одеяло. Наверное, прежде чем накачаться алкоголем пополам со снотворным, Джин почувствовала, что замерзает, и ей захотелось тепла. Не человеческого, а просто тепла. И чтобы не холодел кончик носа, как у Дарлинг, когда она слушает кул джаз. А может, Джин не хотела, чтобы ее нашли, вот и спряталась под одеялом, прежде чем умереть. А может, она хотела, чтобы ее искали не здесь, а там – в пятьдесят девятом. И чтобы искали не ее, а сногшибательную годаровскую предательницу Пат.

Предательница Пат – совсем не то, что мелкотравчатая предательница Коко. Предательство Пат – экзистенциально (это словечко нежно любит Паоло). Жаль только, что за это экзистенциальное киношное предательство настоящей Джин пришлось расплачиваться своей собственной жизнью.

Потрясенная этой жизнью, а еще больше – смертью, Дарлинг тут же начинает придумывать альтернативную историю, в которой триумфальный пятьдесят девятый длится и длится. И нет ни того страшного пыльного автомобиля, ни одеяла, ни снотворного, растворенного в алкоголе. Как было бы здорово, если бы Годар объявил Джин своей единственной музой и дал письменное обязательство работать только с ней!.. Как было бы здорово, если бы для Джин нашелся десяток режиссеров, не менее талантливых, чем Годар, и они

бы снимали ее без продыху!.. Как было бы здорово, если бы в ту последнюю ночь ей встретился папочка!..

Теоретически это возможно, в роковом для Джин семьдесят девятом ему как раз исполнилось двадцать пять, и он был самым настоящим красавцем, о чем свидетельствуют десятки снимков в пяти альбомах «Мои путешествия». А семейное предание гласит, что, когда папочка с делегацией советских моряков посетил одно африканское племя, вождь предложил ему в жены свою дочь. Папочка, конечно, благородно отказался, но сам факт!.. Сам факт внушает уверенность: Джин бы оценила его мужскую красоту по достоинству.

А что касается разницы в возрасте...

Джин относится к той потрясающей и немногочисленной категории женщин, кого не смущает разница в возрасте. Им вообще плевать на возраст, тем более что последний муж Джин был едва ли не моложе двадцатипятилетнего папочки. Один из тех бессмысленных любовников, в чьих бессмысленных объятиях она пыталась спастись, – а этот оказался еще и вполне осмысленным негодяем и подлецом. И сосал из нее деньги не хуже подонков из «Черных пантер». Но дело совсем не в разнице в возрасте, а в том, что она была расстроена, разбита и глубоко несчастна. Вот тогда бы и пригодился папочка! Он сумел бы отвлечь ее от грустных мыслей. Папочка – он такой: забавный и мудрый, все на свете знающий и умеющий, отличный собеседник, неподражаемый рассказчик и благодарный слушатель. С папочкой суровая мама ста-

новится мягкой и податливой, как воск. И каждый день, проведенный ими вместе, наполнен любовью, и мама (совсем не красавица и вовсе не актриса, а работник среднего медицинского звена) чувствует себя... как Джин! Периода триумфа пятьдесят девятого.

А в семьдесят девятом, если бы папочка оказался рядом с автомобилем Джин на окраине Парижа (советские моряки заглядывали и туда!), он бы аккуратно стукнул в стекло. И, дождавшись, пока Джин его опустит, сказал бы в своей неподражаемой манере: «*Your navigation lights are not visible*»³. Или: «*Please rig pilot ladder on port board side*»⁴. Или... Впрочем, совершенно не важно, что сказал бы папочка. Главное, что Джин обязательно увидела бы протянутую ей руку помощи и ни за что не оттолкнула бы ее. Она начала бы разговаривать с папочкой из простого любопытства (советские моряки все же большая редкость в Париже семьдесят девятого). А потом – очень быстро, едва ли не с первых минут – между ними возникло бы доверие. И Джин почувствовала бы себя защищенной, как чувствуют себя защищенной мама и они с Леркой, – даже если папочка находится далеко, в своих морях. А когда он рядом... Да что уж говорить! Достаточно закрыть глаза и покачиваться на волнах любви и нежности, исходящих от него. Эти волны убаюкают любого. Они бы убаюкали и Джин – без всякого снотворного.

³ Ваши навигационные огни не видны (англ.).

⁴ Пожалуйста, подайте лоцманский трап с левого борта (англ.).

Да и снотворное бы не понадобилось. И ночь закончилась бы совсем не так, как она закончилась на самом деле... И снова вернулся бы полный солнца и надежд пятьдесят девятый. И Джин была бы спасена.

Все это бредни.

Дешевое сочинительство. Одна не случившаяся ночь и не случившаяся встреча ничего не изменили бы, но на всякий случай Дарлинг спрашивает у папочки в скайпе: где он был в самом конце августа семьдесят девятого года.

В районе Мартиники. Они шли на Мартинику с грузом листового железа, после минутной паузы сообщает папочка (у него феноменальная память на события и даты).

Мартиника слишком далека от Парижа, да и в Париже нет портов, способных принять крупнотоннажные папочкины корабли, – изменить прошлое невозможно.

На могиле Джин нет фотографии, фотографии там не особенно приняты. Только имена, только имя: **Jean Seberg**, так – вкривь и вкось, неверным детским почерком – могла бы написать не слишком прилежная третьеклассница Лерка. Зато у Дарлинг все в порядке с каллиграфией, жаль, что Джин нельзя написать письмо. Хотя на серой могильной плите изредка появляются конверты, придавленные для верности камешками. Должно быть, в конвертах лежат письма, адресованные Джин; признания в любви, которой ей так не хватало при жизни. Забавные истории, которые могли бы ее развеселить, хотя бы ненадолго. Вряд ли они обращены к полураз-

ложившемуся телу из машины. Они обращены к сумасшедше красивой предательнице Пат, которой никогда не будет старше двадцати одного.

Дарлинг тоже мечтает о дружбе с Джин из пятьдесят девятиго.

Джин – не Коко, представить ее на сеансе очередной 3D-галиматьи в дурацких пластиковых очках невозможно. Но с ней можно пить кофе в пустых кофейнях, путешествовать на междугородных автобусах без всякого плана в голове (от машин лучше держаться подальше); гулять по кромке зимнего моря, кормить чаек, кормить белок и – молчать. Дружба с Джин – молчание, черно-белое, как и A Bout de Soufflé.

А еще с ней можно мерить очки – даже в безнадежно дурацких пластиковых 3D (в которых ее нельзя представить) она будет хороша. С ней можно мерить мужские шляпы – и не найдется ни одной, которая не пошла бы коротко стриженной Джин.

Дарлинг вовсе не собирается носить мужские шляпы, но она собирается... О да, постричься! Мысль о расставании с длинными волосами теперь не пугает ее. Исполненная бесстрашия, она отправляется в ближайший к дому салон и, вытащив из сумки отсканированную фотографию Джин, говорит первому подвернувшемуся под руку мастеру:

– Вот так. Постригите меня вот так.

– Напрасно, – флегматично заявляет мастер, сорокалетняя тетка, по виду – намного более счастливая, чем Джин в

последние годы жизни. – На твоём месте я бы сто раз подумала, прежде чем расстаться с такими шикарными волосами.

– Я уже подумала, и именно сто раз. Стригите.

Несмотря на легкую заторможенность и общую раскоординированность движений, тетка справляется с головой Дарлинг на твердую пятерку. И даже пытается наладить с Дарлинг душевный разговор во время стрижки.

– Что, какая-нибудь сволочь тебя бросила? – шелковая ножницами, спрашивает она.

– Нет. Никто меня не бросал. С чего вы взяли?

– Из жизненного опыта. По себе знаю: когда какая-нибудь сволочь тебя бросает, постричься – вторая мысль, которая приходит тебе.

– А первая?

– Известное дело – покончить с собой. Тут главное – пропустить первую мысль и сосредоточиться на второй. Учти на будущее.

По мере того как голове становится все легче и легче, Дарлинг включает в альтернативную историю Джин еще и эту хабалистую тетку. Как было бы здорово, если бы Джин в минуту отчаяния заглянула не в салон красоты *high*-класса, а в самую говенную, случайно подвернувшуюся *de coiffure*⁵ на два кресла, где таким теткам самое место. Наверняка у тетки нашелся бы мешок абсолютных истин для Джин и два мешка простых, ободряющих слов...

⁵ Парикмахерская (*фр.*).

Все это *бредни*.

Но стрижка тем не менее получается отличной. Под занавес жрица филировочных ножниц сдувает мелкую пыль волос с затылка Дарлинг, и обе они несколько минут смотрят в зеркало, изучая результат.

– По-моему, неплохо, – говорит тетка.

– По-моему, здорово, – вторит ей Дарлинг.

– Тебе идет. Удивительно. Прямо другой человек вылутился, надо же! Теперь сможешь вертеть сволочами, как сама захочешь, уж поверь.

– Сегодня и начну.

Ничего подобного Дарлинг делать не собирается, да и кто такие «сволочи»? Мужчины, кто же еще. Дарлинг не считает мужчин сволочами, но и не особо доверяет им. Просто принимает к сведению, что они есть и время от времени возникают в ее жизни. Перемены, которые они несут с собой, несущественны; нет никого, кто бы удивил ее по-настоящему. За исключением Паоло, разумеется. Но Паоло и не мужчина вовсе, фантом.

Интересно, как на ее новый облик отреагирует фантом?

В нарушение всех неписаных правил и традиций Дарлинг выкладывает свои фотографии в Интернете – теперь остается только ждать комментариев. И они появляются, но совсем не от Паоло (на что втайне надеялась Дарлинг). От других юзеров мужского пола, чьи неуклюжие и глупые комплименты сродни приставаниям в трамвае. Обычно такие приста-

вания ни к чему не ведут, разве что на время повышают самооценку. «*Так вот ты какой, северный олень!*» — общая реакция на ту, которая до сих пор была всего лишь миллионной копией Тильды Суини, крошки Понетт и даже колец Сатурна. Все находят Дарлинг «вэри секси» и провозглашают девушкой года, и девушкой Бонда, и девушкой на миллион долларов. Дарлинг, в подцепленной от Паоло отстраненно-саркастической манере, просит немедленно выдать искомый миллион и даже обещает сообщить номер расчетного счета в банке. Но все интересуются лишь номером телефона, а юзер из Омска *zuyatz masya* и вовсе предлагает встретиться в ближайшую субботу в любом удобном для Дарлинг (но обязательно романтическом) месте.

Дарлинг предлагает городской музей политической истории. И еще музей восковых фигур, она как раз туда собирается. В ближайшую субботу.

Но в ближайшую к ближайшей субботе пятницу на горизонте неожиданно рисуется Коко, о которой Дарлинг ничего не слышала со времен торжественной регистрации брака с Вассилисом в ЗАГСе Адмиралтейского района.

– Нужно встретиться, – без всяких преамбул заявляет Коко по телефону. – И чем скорее, тем лучше. Дело на миллион долларов.

– И ты туда же! Если все будет продолжаться такими темпами, я куплю себе остров к следующему Рождеству.

– Не исключено, – хмыкает Коко в трубку. – Жду тебя зав-

тра в «Ноа» в семь вечера. И большая просьба не опаздывать.

Кто бы говорил! Уж точно не Коко, еще ни разу на памяти Дарлинг никуда не пришедшая вовремя. Все часы в доме Коко спешат ровно на 23 минуты, но и это не спасает. Не меньше пятнадцати самолетов улетали без нее. Не меньше двух десятков поездов показывали ей свой хвост. Чтобы не завалиться на сеанс к середине фильма, Дарлинг вечно врет относительно его начала – в диапазоне от сакральных 23 минут до часа. Как показывает практика, час предпочтительнее.

– Завтра не получится. Завтра у меня на повестке дня музей восковых фигур.

– Музей придется отменить.

– Это вряд ли. У меня там назначена встреча.

– С кем?

– Понятия не имею, – честно признается Дарлинг. – Возможно, это последний романтик города Омска.

– Господи, ну где ты их только находишь?

– Там же, где и ты. На помойке.

Конечно же, Дарлинг имеет в виду Интернет-помойку. Это потребует разъяснений, если Коко вдруг надумает обидеться. Но Коко не обижается, из чего Дарлинг делает вывод: она действительно нужна подруге завтра, не позднее семи. Нужна, кровь из носу, – интересно, что такого могло произойти? Уж не рассталась ли она с Вассилисом?

– У тебя все в порядке? – осторожно спрашивает Дарлинг.

– Более чем. И у тебя будет, если забьешь на романтиков.

Так я тебя жду?

– Я подумаю, что можно для тебя сделать.

– Просто пообещай, что придешь.

– Ну... Хорошо. Считай, что ты меня уговорила.

Конечно, можно было еще покочевряжиться и припомнить Коко ее недостойное поведение относительно самой близкой подруги. Но Дарлинг великодушна и снисходительна к пустоголовым мужним женам – кто бы мог подумать!.. И еще заинтригована: ни разу вечно расслабленная Коко не проявляла такой настойчивости.

Так или иначе, но ровно в семь она толкает дверь кофейни «Ноа» на Каменноостровском, где они с Коко прозаседали не один вечер, болтая об общечеловеческих ценностях (инициатива Дарлинг) и сравнительных характеристиках блондинов и брюнетов (инициатива Коко). В сумке у Дарлинг лежит «Хазарский словарь», в наушниках без всякого музыкального сопровождения резвятся киты Атлантики; можно было прихватить еще с десяток японских кроссвордов, чтобы скрасить ожидание Коко. В том, что та опоздает, Дарлинг нисколько не сомневается.

Но Коко (вот удивление так удивление!) уже сидит за их любимым столиком в углу. И не одна, а с греческим пейзажем Вассилисом, традиционно ковыряющим в ушах ключом от машины. Такого поворота событий Дарлинг никак не ожидала.

– Вот видишь! – радостно сообщает Коко Вассилису. –

Она пунктуальна! И вообще – очень обязательный человек. Она то, что нам нужно, уж поверь.

– Угу, – мычит Вассилис без всякого энтузиазма.

– Не знала, что у нас вечеринка на троих. – Дарлинг едва скрывает раздражение. – Предупреждать надо.

– Упс!.. Ты постриглась! Очуметь, здорово! Ты другая совсем... Та-акая... Тебе очень идет. Прямо... девушка на миллион долларов.

– Я в курсе.

– Правда она красивая? – взывает Коко к мужу.

– Угу.

– Не «угу», а для представительских целей это важно! А еще – она умная. У нее не башка, а компьютер. Бизнес-английский – раз. Просто английский – два. А еще французский... С французским отдельная история. Французский она стала учить из-за одного поэта... Этого, как его...

– Превера, – не выдержав, подсказывает Дарлинг. – И перестань говорить обо мне в третьем лице. Да еще всякий вздор. Я пока не умерла, и пафосные некрологи мне ни к чему.

– Почему это вздор? – Коко обидчиво морщит губу. – Разве про этого... Превера – неправда?

Не вся правда. Когда-то Паоло обмолвился, что, если хочешь понять птиц – всех птиц, которые только есть на свете, – без Превера никак не обойтись. Птицы Дарлинг не волновали никогда, она даже не думала о них, но тут почув-

ствовала настоящую потребность приобщиться. Ничего из птичьей затеи не вышло, зато Дарлинг навсегда полюбила Превера. Грустного старика, в силках которого не билось ни одной птицы – только неразделенная любовь.

– Вот скажи, стал бы ты так напрягаться из-за французских стихов? Ведь нет же, правда?

– Нет, – с готовностью подтверждает Вассилис.

– И я нет. Мне стихи вообще ехало-болело, особенно французские. Но если приспичит – их можно и в переводе почитать. А она взяла и язык выучила. О чем это говорит?

– О чем? – по инерции спрашивает Вассилис, хотя на физиономии у него написано: «Это говорит о том, что девушка мается дурью».

Нет ни одной причины, чтобы Дарлинг стала относиться к мужу Коко лучше.

– ...что она целеустремленная. По всем показателям – наш вариант. Ты согласен?

– Угу.

– Тогда иди звони.

Вассилис послушно кивает нечесаной головой и, на ходу вынимая телефон из заднего кармана джинсов, направляется к выходу. Стоит ему только исчезнуть за дверью, как Дарлинг тут же накидывается на Коко:

– Теперь объясни мне, что за балаган ты тут устроила?

– Подожди, ты еще будешь мне в ноги кланяться за этот балаган, – раздуваясь от чувства собственной значимости, с

апломбом заявляет Коко. – И вообще, заткнись и не мешай мне устраивать твою судьбу.

– Может быть, я как-нибудь сама о ней побеспокоюсь?

– Может быть, но не в этот раз. Хочешь всю жизнь просидеть в своем вшивом банке?

– У тебя есть альтернатива?

– Еще какая! – Коко наклоняется к Дарлинг, делает круглые глаза и сообщает заговорщицким шепотом: – Брат Вассилиса ищет личного помощника.

– Бог в помощь. Я-то тут при чем?

– При брате Вассилиса, если не будешь тупить. Он, между прочим, крупный финансист. И что-то там еще, я в подробности не вдавалась. Много ездит по миру, завтракает в Лондоне, обедает в Сингапуре. Хочешь завтракать в Лондоне?

– Завтракать в Лондоне – дорогое удовольствие. Я не потяну.

– О тебе и речи нет. Тянуть будет Костас.

– Брат твоего мужа? – уточняет Дарлинг.

– Угу. – Вот оно, дурное влияние василиска, раньше Коко не прибегала к таким непрошибаемо-глупым междометиям. – Между прочим, отличный мужик. Слегка за сорок, но душка! Он тебе понравится.

– Погоди... А личный помощник – это, случайно, не то, о чем я грешным делом подумала?

– Не надо грязи! – взвизгивается Коко. – Личный помощник – это личный помощник. Будешь заниматься его текущими

делами, организовывать встречи, организовывать поездки... наверное...

– А куда делся предыдущий личный помощник?

– Предыдущий вышел замуж. Э-э-э... Вышла. Понятное дело, что никакой муж терпеть не будет постоянные командировки. Мужья – они страшные собственники.

– Тебе виднее.

– И вот еще что. Костас не женат.

– Ну и зачем ты мне это говоришь?

– На всякий случай. В том смысле, что если у вас что-то там наклюнется... Знай, я не буду против! Только за, тем более что выглядишь ты просто офигенно. Стрижка чумовая, дашь координаты мастера?.. Нет, было бы здорово, если бы у вас все срослось... Дружили бы семьями, а на уик-энд все вместе выбирались бы на Майами...

– Минуя Лондон и Сингапур? Я не согласна.

– А на финансиста согласна? Он сейчас приедет, между прочим...

– Может, ему сразу подъехать в ЗАГС, где я буду ждать его в подвенечном платье? А потом мы улетим на Майами. Все вместе, как ты и хотела.

Жаль, что в сумке лежит тонюсенький «Хазарский словарь», а не увесистый том какого-нибудь Умберто Эко: Дарлинг с трудом подавляет в себе желание треснуть Коко чем-нибудь тяжелым по башке. Не преследуя при этом никаких особенно кровожадных или человеконенавистнических це-

лей. Ей просто хочется, чтобы Коко заткнулась. И перестала нести пургу, какую обычно несут все *just married*, озабоченные устройством судьбы своих несчастных (как они думают) незамужних и неженатых друзей. Мир, по осоловевшей от супружеского счастья Коко, довольно примитивен, всякой твари в нем должно быть ровно по паре: к любой Барби припилен Кен, к любому астронавту – космонавт, к таможеннику – контрабандист, к кофе – сливки, к врачам без границ – медсестры без дипломов, к скучающим богатым сучкам – водопроводчики... И вся эта огромная колышущаяся масса должна оголтело любить друг друга и с периодичностью раз в три секунды обмениваться кольцами.

– Ты не поверишь, но я скучала по тебе. И по твоим шуточкам, – хохотнув, заявляет Коко.

– Конечно, не поверю, ни разу. Могла бы и позвонить, если так уж скучала...

– Ты бы тоже могла позвонить.

– Как-то не хотелось отвлекать тебя от супружеских обязанностей.

– Правда он душка?

Коко всегда проявляла завидное постоянство в определениях: герои ее многочисленных романов были душками, и никак иначе. Черноземный Вассилис похож на душку меньше всех: меньше, чем даже мутноватый дилер из автосалона «Пежо», с которым Коко таскалась прошлой весной. Тот хотя бы использовал ключи от машины по прямому назна-

чению.

– Он просто лапушка. Кстати, куда это запропастился наш лапушка?

«Лапушка» появляется ровно через минуту.

– Ну что? – интересуется у Вассилиса Коко. – Приедет?

– Будет минут через двадцать, если не застрянет в пробке.

Двадцать минут проходят в непрерывном и бессмысленном щебетанье Коко (будь Коко птицей, Превьер не посвятил бы ей ни строчки). Не особенно разговорчивый Вассилис изредка вставляет свои универсальные «ага» и «угу», а Дарлинг и вовсе не участвует в разговоре. Она размышляет о неведомом ей финансисте Костасе. Брат грека тоже должен быть греком, никем иным, но воображение почему-то рисует Дарлинг опереточного цыганского барона. В шелковой косоворотке, атласной жилетке, штанах в мелкий вельветовый рубчик и реликтовых плисовых сапогах. На голове Костаса лихо сидит мягкая фетровая шляпа с заткнутым за туюлю пером фазана; висящие на брюхе часы-луковица каждые пятнадцать минут исполняют первые такты популярной цыганской песни «Ай, да-ну, да-ну, да-най», а в руках... В покрытых шерстью руках Костаса обязательно должна оказаться плетеная корзина, набитая сложенными в пачки самыми ходовыми валютами мира – ведь он же финансист! Что именно финансирует Костас – не совсем ясно. Должно быть, наркотрафик, оттого все его карманы полны расфасованного по пакетикам героина. Ухмыляясь золотозубой улыбкой,

Костас ввалится в «Ноа» не один. С ними припожалует цыганский ансамбль песни и пляски, штук шесть привокзальных гадалок и два ручных прямоходящих медведя. Ромы будут бить себя по ляжкам и рвать гитарные струны, медведи – реветь и требовать безалкогольного мохито, а гадалки – приставать к посетителям с традиционным «Ай, бриллиантовые, не совру ни слова, всю правду скажу!»...

Надо бы увековечить этот сраный лубок в ЖЖ.

...Финансист Костас входит в «Ноа» через полчаса, и Дарлинг сразу же понимает, что никакого поста в ЖЖ не будет. И есть немаленькая угроза, что и сам ЖЖ, ее любименькая жежешечка, может потерять актуальность.

Теперь, после появления Костаса, она кажется Дарлинг чем-то несерьезным и глупым. Прибежищем картонных героев, от нечего делать примеряющих картонные маски. Картонные герои стоят на цыпочках и изредка подпрыгивают и пытаются взгромоздиться на плечи других героев, таких же картонных, – только бы их заметили. А Костасу вовсе не нужно становиться на цыпочки – никогда, ни при каких обстоятельствах. Достаточно просто войти, кивнуть присутствующим, сесть в кресло и мельком взглянуть на часы.

Ulysse Nardin.

Культовые «Улисс Нардин», а никакая не луковица в подбрюшье. Лерка бы с ума сошла. Впрочем, мысль о Лерке исчезает, едва возникнув. Как и мысль о несчастной жежешечке. Как и мысль о том, что между двумя греческими братья-

ми нет ничего общего. Голова Дарлинг пуста, как школьный класс в самом начале лета. Или в его середине.

Составленные друг на друга парты стоят в углу, стулья вывезены, окна без штор – и лишь на доске еще виднеется нестертая надпись: «**ОН МОГ БЫ СПАСТИ ДЖИН**».

Он – мог бы.

Все дело в значительности Костаса: мужской и человеческой. Все дело в его безупречности. Именно так, он безупречен. Безупречен его костюм (явно пошитый на заказ, а не купленный), безупречны дорогие туфли, безупречна белая рубашка, и галстучная заколка безупречна тоже. Под циферблатом часов «Улисс Нардин» спят астрольбии, секстанты и компасы с морским ударным «а» – *компáсы*, но представить его капитаном шхуны – невозможно. Как невозможно представить матадором, автогонщиком, карточным шулером, медиамагнатом, политиком, успешным архитектором или просто плейбоем. Живое воображение Дарлинг бессильно перед отражающим светом белой рубашки, так что утечки инсайдерской информации не предвидится.

Придется довольствоваться тем, что доступно глазу.

Трудно сказать, красив Костас или нет. Скорее нет, но миллионы женщин отдали бы все, чтобы такой человек оказался поблизости. Миллионы минус Дарлинг, она чувствует себя восхитительно свободной. Какой еще никогда не была. Или какой была бы с Джин, примеряющей шляпы. Никакого волнения, никакого покалывания в затылке и легкого шума в

ушах (именно с шума в ушах и покалывания начинались все ее мало-мальски стоящие романы), – бедолага Коко, не видеть тебе Майами!.. При хорошем раскладе они с Костасом могли бы подружиться. Но Дарлинг не настолько глупа, чтобы не понимать: такой расклад ей не обломится. Ни при каких обстоятельствах. Между мелкой сошкой из нотариальной конторы и мужчиной, чьи туфли стоят два ее месячных оклада, нет ничего общего.

– Итак, – произносит Костас, глядя Дарлинг в переносицу.

– Это Дарья, – произносит Вассилис, глядя в переносицу брата. – Я тебе о ней говорил.

Больше всего Дарлинг боится, как бы чертов василиск не сморозил что-нибудь лишнее. Например, что она близкая подруга его жены Коко. Это было бы самым провальным резюме из всех возможных. Странно, что это так ее волнует, ведь еще пять минут назад она и не помышляла о притязаниях на место личного помощника. И странно, что ее ноздри улавливают легкий запах табака и ванили. Никаких предположений к ванили нет.

– Дарья. Отлично. Меня зовут Костас. Хотите работать у меня?

Дарлинг так и подмывает выдохнуть: «Хочу». Но... как это будет выглядеть со стороны?

– Я бы хотела знать, каковы условия. И насколько предложенный вариант совпадает с профилем моей нынешней работы. – Не бог весть какая удачная стилистическая конструк-

ция, вот проклятье! К тому же Коко больно пинает ее ногой под столом: *«Не будь идиоткой!»*

– Вы работаете в нотариате?

– Да.

А еще я с пониманием отношусь к летчикам-камикадзе, но это к делу не относится.

– Мне нужен человек с хорошим знанием английского. Коммуникабельный, но не чуждый рутинной работы. Достаточно мобильный, поскольку речь идет о частых зарубежных командировках. Пунктуальный. Способный принимать быстрые решения. Нюансы можно оговорить позже. Что скажете?

То, что происходит в следующую секунду, иначе чем помутнением сознания, не назовешь. Во рту Дарлинг толчется несколько полагающихся случаю фраз: нейтральных, но призванных продемонстрировать начатки необходимого для зарубежных командировок и рутинной работы интеллекта. Но вместо них выползает одна-единственная:

– Вы могли бы спасти Джин.

– Что?

Еще не поздно остановиться. Коко с такой силой жмет на ногу Дарлинг, что вот-вот ее раздавит. Да и застегнутые на все пуговицы фразы никуда не делись: они так и стоят за перегородкой губ – с электронными ключами от офисных помещений. И только фразе про Джин никакие ключи не нужны, она свободно пройдет везде.

– *Вы могли бы спасти Джин.*

Вассилис разочарован. Коко страшно разочарована и едва не плачет. Но Дарлинг совершенно наплевать, что там думает парочка окольцованных имбецилов. По большому счету ей плевать и на то, что сделает сейчас Костас. Разочарование – слишком сильная эмоция для людей, подобных ему. Потеря пары миллионов долларов – вот разочарование. Потеря активов в одной из развивающихся стран – вот разочарование. А микроскопическая Дарлинг и разочарование финансиста Костаса несовместимы. Скорее всего, он пожмет плечами и теперь уже откровенно посмотрит на часы. И попрощается так же, как и поздоровался, – легким кивком головы.

Но вопреки ожиданиям Костас не уходит. Он смотрит на Дарлинг в упор. И Дарлинг ничего не остается, как уставиться на Костаса с той же пристальностью. Теперь между Костасом и Дарлинг протянулся мост или скорее улица: та самая, черно-белая, из финала A Bout De Soufflé. Минута-другая – и по ней начнет свой долгий-долгий, бесконечный побег Мишель, преданный сумасшедше красивой Пат. Но пока улица пуста, на ней только дома и автомобили, и среди них нет ни одного пыльного.

Ни одного.

– Жду вас завтра в десять у себя в офисе. Вассилис заедет за вами. Эта стрижка вам очень идет.

– Да. Я знаю.

– И вот еще что... – Голос Костаса остается таким же ров-

ным, как и секунду назад. – Я не мог бы спасти Джин.

– Я знаю. Да.

– Проводи меня, – поднимаясь, говорит Костас брату.

И Дарлинг с Коко снова остаются одни. Коко шумно втягивает носом воздух, отпивает большой глоток кофе и только после этого решается посмотреть на Дарлинг.

– Что это было? – наконец спрашивает она.

– А что?

– Что это ты тут устроила? Какая еще, на фиг, Джин?

«Пора вас познакомить» не пройдет. Коко вовсе не обязательно знать, кто такая Джин. В мире по Коко, где всякой твари по паре, неприкаянной Джин места не найдется.

– Никакая. Так просто. Психологический тест, вот и все.

– А со стороны выглядело как полная бредятина. Корпоративные тренинги, да?

– Именно.

– Вообще-то я тебя убить была готова. И убила бы, если бы ты со своими примочками пролетела мимо кассы. Такой шанс нельзя упускать, ты хоть понимаешь?

– Пока нет.

– Когда поймешь – с тебя... Чего бы такого с тебя содрать?

– Йогуртовый торт с вишенкой, – подсказывает Дарлинг.

– Нет-нет-нет! – пугается Коко. – Торты исключены. Я теперь мужняя жена и должна следить за фигурой. Привезешь мне какой-нибудь пиздельфонс из Лондона или Сингапура. Или откуда-нибудь еще. У тебя теперь весь мир в кармане.

«Пиздельфонс» – любимое словечко Коко, в тот же синонимический ряд могут быть воткнуты «штученька» и «бздына». Они означают что-то очень маленькое, но, несомненно, ценное, блестящее и дорогое. В понятии Коко, разумеется. Иногда пиздельфонс примыкает к штученьке, и получается кольцо с бриллиантом, сапфировые серьги или золотой браслетик. Альянс пиздельфонса и бздыны классом пониже: серебряные цепочки, кулоны из оникса и глупейшие нефритовые черепашки – именно оттуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.